Людвиг Штрюмпель

ПРИРОДА
И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ

ЛЮДВИГ ШТРЮМПЕЛЬ

ПРИРОДА И ПРОИСХОЖДЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ

Об этой книге

Людвиг Штрюмпель — немецкий философ и педагог, профессор Лейпцигского университета. Его небольшая книга 1874 года — одно из самых ясных и обстоятельных исследований сновидения в немецкой философии XIX века.

Штрюмпель спрашивает, как душа отходит ко сну и чем сознание во сне отличается от бодрствующего, как во сне работают память и речь, как в нем меняется чувство пространства и времени, почему сновидения так легко забываются и откуда они берутся — из ощущений тела, из чувств или из прежних представлений.

Содержание

Предисловие	5
Введение	7
Глава I. Видит ли душа сновидения во всяком сне	12
Глава II. Обособленность сновидения от бодрствующего сознания	17
Глава III. Память в сновидении. Почему душа считает приснившееся действительным	28
Глава IV. Речь во сне	44
Глава V. Сознание пространства и времени во сне	48
Глава VI. Почему сновидения легко забываются	62
Глава VII. Происхождение сновидений	73
Примечания	91

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

В новейшее время наука обратила особое внимание на те состояния и события в природе человека, которые следуют за возбуждением чувств внешними впечатлениями и как бы лежат еще до сознания или же составляют лишь его начатки. Тем самым прежнее учение о душе получило важное дополнение: до тех пор оно занималось большей частью лишь уже сложившимися и нормальными видами деятельности сознания. Тот же разряд состояний и событий, в которых душа кажется нарушенной в своей обычной деятельности или вытесненной из нее и которые, следовательно, лежат как бы позади нормального сознания или следуют за ним, — этот разряд, если не считать ярко выраженных форм душевных болезней, до сих пор привлекал к себе внимание лишь в малой части, да и то большей частью мимоходом или не с научной точки зрения. Особенно это касается *явлений сновидения*: за исключением отдельных заслуживающих внимания работ, они все еще остаются скорее предметом случайных и ни на чем прочном не основанных разговоров, нежели науки. Поэтому сновидения принадлежат к тем событиям, о которых представления людей еще очень мало прояснены; более того, многие люди, и среди них даже образованные в иных отношениях, судят о них, все еще полагаясь на ложные понятия, точно так же, как прежде судили о кометах или о зайце, перебежавшем дорогу.

Чтобы и в этой области возникло и распространилось лучшее понимание, нужно прежде всего более точное знание фактов, отделение того, что лишь воображено, и в особенности

убеждение, что сновидения *не лежат вне* ряда естественных событий, подчиненных общим законам всего естественного, и потому требуют, чтобы их понимали и оценивали точно так же, как всякое другое естественное событие.

Последующие страницы имеют целью содействовать среди образованных читателей названным условиям непредвзятого взгляда на явления сновидения и более верного их понимания. Но вместе с тем они желают побудить, особенно молодых психологов, взяться за область этих явлений более методически, чем прежде, то есть прежде всего позаботиться о добывании как можно более обширного, надежного и достоверного материала. Для этого недостаточно сохранять лишь собственные сновидения, которые приходят на память, или сновидения своих друзей; гораздо важнее было бы, если бы удалось собрать и свести вместе сновидения людей обоего пола, разных возрастов, сословий и занятий, вероисповеданий и народностей. Лишь так факты сновидений распались бы на особые группы и, ради понимания их связи как между собой, так и с фактами сознательной, бодрствующей душевной жизни, могли бы быть рассмотрены с точки зрения общих истин.

ВВЕДЕНИЕ

✦

Культурно-историческое и научное значение сновидений. Задача.

Бодрствующая жизнь человека, за отдельными исключениями, в определенных временных границах регулярно прерывается переходом от бодрствования ко сну.

Сама по себе эта смена для большинства людей едва ли составляет предмет наблюдения и размышления. Как переход из одного состояния в другое она вызывает прежде всего лишь субъективный интерес — поскольку в ней ощущается удовлетворение природной потребности в отдыхе и восстановлении сил или с ней связывается надежда на новое пробуждение, сулящее дальнейшую радость жизни. Ценим мы преимущественно бодрствование: ведь оно в целом равнозначно жизни, а кто же не хочет жить? В бодрствовании жизнь — царство ощущений и движений, чувств, желаний и страстей, воли, мышления и действия — развертывается сильно, многообразно, возвышая самосознание. Бодрствование подобно радостному свету дня, который притягивает к себе тело и душу, словно они ему родственны. Яркий дневной свет всегда встречают с радостью, потому что этот свет возвращает нам нас самих. Без сна, если бы он не охватывал нас с естественной необходимостью, никто бы не скучал. Лишь когда нас гнетет усталость тела и духа или когда забота, нужда, бедность и болезнь слишком омрачают ясность бодрствования, сна желают и о нем тоскуют. Тогда он кажется счастливым состоянием, потому что дает забыть

усталость, боль и горе. Но какое бы дружелюбное значение ни придавали сну по этим или иным поводам, сам по себе он находится в резкой противоположности живому, бодрствующему сознанию. Вместе с болью он гасит и радость; он затемняет чувства, упраздняет сознание нас самих; он есть намек на смерть и подобен тьме, которой мы по природе чуждаемся.

И все же с другой стороны сон приобрел чрезвычайное значение — благодаря своему спутнику, *сновидению*. Не всегда сон обрывает нить сознания целиком и оставляет совершенно пустой пробел в истории нашей жизни. Очень часто он открывает в сновидении своеобразный мир, который показывает нам образы и представления, поступки и события, чувства и вереницы мыслей необычного смысла и дает нам приобщиться к действительностям, иначе недосягаемым. Именно эти явления сновидения оказывали и оказывают большое влияние на бодрствующую жизнь людей и занимают богатое последствиями место среди определяющих сил, от которых зависит ход развития человеческой истории не меньше, чем отдельное существование. С явлениями сновидения связано образование некоторых первобытных представлений, ставших основой позднейших, более высоких форм культуры. Сновидение открыло сознанию древнейших людей бытие иного мира, чем мир, воспринимаемый чувствами, и породило богатую группу сверхчувственных представлений. Оно вызвало предчувствие продолжения жизни после смерти, а тем самым и часть мыслей и действий, принадлежащих почитанию умерших. В нем человек видел чужие существа и слышал особые голоса, впечатление от которых решающим образом продолжалось в его бодрствовании. Сновидение стало мостом, по которому высшие силы сообщались с ним, а он с ними, и повлекло за собой всевозможные

представления о существах, которых чтили люди, — отчасти они стали основой позднейшего развития религий. Из жизни сновидений выросли различные ветви того круга мыслей, который сведущий и научно образованный человек ныне считает ошибочным, но который играет большую роль в истории человечества — от оракулов видящих сны жрецов и жриц вплоть до толкования снов, любимого и в наши дни. Не меньше проявило сновидение свою власть и значение в политическом и общественном положении народов. Оно вело племена в переселения; оно внушало им страх и ужас или надежду на более счастливое существование. Оно делало слабых носителями высоких идей и воодушевляло воинства на подвиги. Оно позволяло увидеть будущее величие тех мужей, которые были призваны дать своему времени иное направление, и превращало видевших сон и веривших снам в защитников и приверженцев таких мужей. Наконец, помимо этого и иного значения, сновидение со сродными ему явлениями привлекло к себе и внимание науки и стало задачей исследования, над решением которой она еще трудится.

Ниже будет рассмотрено несколько вопросов, касающихся жизни души в сновидении, преимущественно с психологической стороны. Такое рассмотрение, если оно притязает хотя бы на скромную ценность, наталкивается на немалые трудности. Сновидения, правда, знакомы большинству людей, однако еще очень недостает проверенных и критических изложений фактов, на которые можно было бы опираться так же, как можно ссылаться на наблюденные факты внешнего мира восприятий. Если опираться лишь на собственное наблюдение и опыт, то замечаешь, правда, что каждому сновидению присуща некая форма сознания, которая в отдельных случаях допускает даже

размышление о содержании и ходе сновидения; но это сознание часто смутно или быстро проходит. Обычно наблюдать сновидение можно лишь тогда, когда сон уже кончился, и человек знает, что ему снилось, лишь когда проснулся. Лишь когда сновидение предстает в совершенно бодром сознании как бывшее переживание, знакомишься с его особенностями. Часто и какая-нибудь часть сновидения приходит на память лишь в течение следующего дня или еще позже и влечет за собой другие части. Тогда как раз легко случается, что бодрствующее сознание невольно вставляет кое-что в воспоминание о сновидении: человеку кажется, будто ему снилось многое, чего в бывшем сновидении не было. Искусство вызывать сновидения по определенному способу еще только в самом начале; а возобновлять бывшие сновидения, если это опять-таки не происходит во сне, еще не умеют; и точно так же один не может быть наблюдателем сновидений другого. По этим причинам рассказы о сновидениях вообще вызывают подозрение в неточности — даже если оставить в стороне случаи, когда на передачу сновидения влияют особое увлечение снами или склонность к игре воображения и в особенности к толкованию снов. Поэтому явлениям жизни сновидений, о которых рассказывают и которые описывают в книгах или устно, обычно и не приписывают той ценности, на которую повсеместно притязает душевный мир, поскольку он состоит из фактов бодрствующего сознания. Духовные события и деятельности в бодрствующем сознании, как бы ни различались они по индивидуальности, полу, возрасту, степени образования, народности, вере и роду занятий, имеют в себе столько одинакового и постоянного, что их удалось свести в опытное учение и основать на нем поступательное познание. Сомнительно,

насколько можно ожидать подобной науки и о жизни души в сновидении. С этим связано и то, что даже среди ученых явлениям сновидения придают неодинаковую ценность и мнения о них далеко расходятся.

Сказанное служит к оправданию того чувства неуверенности, которое должен испытывать всякий, кто хочет высказать о сновидениях что-либо достойное внимания. Автор этих строк вполне сознает такую неуверенность и потому не утверждает, что его понимание и взгляд могут притязать на всеобщую значимость. Он желает лишь обострить внимание к этому важному предмету и в особенности показать, как внести в понимание действительно фактического в мире сновидений — насколько оно вообще возможно — больше правила и метода, чем обычно бывает. Он полагает, что лучше всего достигнет этой цели, если свяжет свои сообщения с определенными отдельными вопросами, и выбрал для этого такие, к которым можно ожидать более общего интереса.

ГЛАВА I. ВИДИТ ЛИ ДУША СНОВИДЕНИЯ ВО ВСЯКОМ СНЕ

✦

Пусть сначала будет затронут как бы предварительный вопрос — вопрос о состоянии души во сне и в особенности о том, видит ли она сновидения во всяком сне или бывает и сон, совершенно лишенный сновидений.

Если исходить из опыта, то известно, что иную ночь мы спим так, что по пробуждении не сознаем ни малейшей доли того, что происходило в душе во время сна. Поэтому часто и приходится слышать мнение, что бывает сон совсем без сновидений. Однако названный опыт не оправдывает такого вывода. Кто хочет что-либо сказать о сновидении в последовавшем за ним бодрствовании, тот должен вспомнить сновидение, то есть привести себе в сознание отдельные его части или все его построение. А чтобы это произошло, нужны условия, которых в данном случае, быть может, не было, — оттого и воспоминание не явилось. Итак, утверждение, будто спал без сновидений, оставляет нерешенным, не происходит ли оно просто оттого, что сновидение не пришло на память, а было забыто.

Следовательно, опытом поставленный вопрос решить нельзя, и приходится искать иных оснований для утвердительного или отрицательного ответа.

Ясно же, что забыть что-либо мы можем лишь тогда, когда прежде однажды это знали. Чего я никогда не знал, о чем никогда не имел сознания, что никогда и никаким образом не было для меня сознаваемым, а было совершенно бессознательным, — того

я и забыть не могу. Потому и *вспомнить* о таком, никогда не сознававшемся, никогда нельзя. Говорится нарочно *вспомнить*, чтобы против нашего положения не выдвигали возражения, ссылаясь на те случаи, когда мы приводим себе в сознание нечто, что прежде и до тех пор было совершенно бессознательным. Привести себе что-либо в сознание — не всегда то же самое, что вспомнить о чем-либо, прийти к воспоминанию о чем-либо и тем самым осознать его. Какую-либо истину мы приводим себе в сознание тем, что находим ее доказательство или следуем доказательству, данному другим. Такую истину мы до тех пор не могли забыть, потому что еще никогда ее не знали, и лишь отныне, когда знаем ее, можем и твердо о ней вспоминать. Так человек приобретает сознание о многом, о чем прежде ничего не знал. Точно так же возможно, что в бодрствующем состоянии о каком-нибудь представлении, встреченном среди прочих, мы получаем сознание, что это представление, должно быть, приснилось, хотя, может статься, когда оно проходило через душу во время сна, оно сознавалось едва или скудно. Или, если не сознание отдельного представления, то может возникнуть сознание того, что вообще что-то снилось. Но в таких случаях знание или сознание возникает не путем воспоминания, а путем умозаключения — того самого, каким мы знаем и то, что в нашей памяти покоится многое, из чего кое-что снова придет в сознание. Привести себе что-либо в сознание, стало быть, не всегда совпадает с воспоминанием, так же как незнание не всегда равнозначно забвению.

Итак, надо принять: если мы должны быть в состоянии вспомнить сновидение, то и это сновидение было сознаваемым. Всякое сновидение, приходящее на память, то есть не забытое, сопровождалось сознанием. Какого рода это сознание в

сновидении — то же ли это, что мы имеем в бодрствовании, или оно отличается от него по степени или по свойству, — сюда не относится. Но, наоборот, не всякое сновидение, то есть не всякое переживание сознания в сновидении, непременно остается сознаваемым после пробуждения или входит в воспоминание. Ибо для этого последнего опять-таки нужны иные условия, кроме того, что сновидение прежде было сознаваемым.

Итак, на поставленный выше вопрос можно пока ответить вот что: кроме сновидений, пришедших на память, во время сна в душе, конечно, могли быть и такие сновидения, которых в бодрствовании не помнишь. Но бывали ли такие не приходящие на память сновидения во все те ночи, после сна которых не помнишь ни одного сновидения, остается еще нерешенным. Будь же необходимо, чтобы душа видела сновидения во всяком сне, отсюда следовало бы, что душа ни в каком сне не бывает совершенно бессознательной.

Вот это последнее следствие и вызывает у нас сомнение. Утверждение, что сновидения бывают во всяком сне, заключает в себе предпосылку, что душа никогда не может быть совершенно бессознательной. Значит, если полная бессознательность — состояние, совместимое с жизнью души, то допустим и сон без сновидений.

И об этом последнем положении опыт непосредственно ничего решить не может: ведь состояние полной бессознательности как таковое никогда нельзя испытать, потому что само это испытание было бы опять-таки сознанием. Поэтому нельзя ссылаться и на болезненные или искусственно вызванные состояния — головокружение, оглушение, обморок и прочие, — которые обычно мыслят совершенно бессознательными. Но есть другие

основания, дающие право допустить, что состояние бессознательности для души возможно.

А именно, всякое сознание, в какой бы форме и в какой бы степени его ни мыслили, возникает во времени или по меньшей мере выступает во времени. Из разных опытов мы заключаем, что наше сознание меняется и не простирается через все время, а и отступает из времени. Далее, сознание дает знать о себе как о различном по степени; его справедливо мыслят более или менее ясным, более темным или более светлым; оно ведет себя как растущая и убывающая величина, которая может опуститься и до нуля. Наконец, опыт дает право заключить, что деятельность души в бодрствовании постоянно колеблется между сознаваемым и бессознательным, что все сознаваемое в бодрствовании зависит от бессознательного, сопровождается бессознательным и что все сознаваемое проистекает из бессознательного, которое ему предшествует. Коротко говоря, все мы, согласно этому, убеждены, что во время бодрствования подавляюще большее число представлений и мыслей, которые мы себе приписываем, находится вне сферы сознания, причем деятельность души в них и через них не прекращается.

Тем самым найдена верная точка зрения для суждения о состоянии души во сне.

Состояние сознания в бодрствовании зависит от ряда условий, отчасти телесных, отчасти чисто душевных. Насколько эти условия при переходе ко сну и во время него сохраняются или насколько они отступают, настолько и душа будет проходить различные формы сознания и, возможно, ни одной из них не утратит вовсе, — причем ее бессознательная деятельность от этого не прекращается. Вообще не следует мыслить бодрствование и сон, сознание и бессознательность в

действительности столь же разделенными и противоположными, как разделены и противоположны слова и понятия о них. Как в бодрствовании есть сознаваемое и бессознательное, и последнее даже в далеко преобладающей мере, так по аналогии следует заключить, что то же соотношение сохраняется и во сне. Во сне сновидение есть лишь один вид сознания среди нескольких других, и бессознательность, возможно, может возрасти настолько — то есть условия сознания могут отступить так далеко, — что от сознаваемого не останется ничего.

Итак, наше мнение таково: душа не непременно видит сновидения во всяком сне, хотя, быть может, есть основания тому, что в большинстве случаев это происходит. Но неверен и тот взгляд, будто, если душа не во всяком сне видит сновидения, тем самым упраздняется вся ее деятельность, а следовательно, и сама ее сущность. Деятельность души во сне не ограничена сновидением, как и в бодрствовании она не ограничена сознаваемым; она еще глубже отступает в свои бессознательные формы, не переставая от этого быть душой. И в самом глубоком сне ее представления и мысли продолжают существовать, как они существуют и в бодрствовании, хотя бы они и были задержаны и бессознательны. В этих своих бессознательных состояниях спящая душа не бездеятельна, как не бездеятельна в них и бодрствующая, и сохраняет в них реальную возможность не только прийти к сознанию сновидения, но и вернуться к полному и бодрому сознанию.[1]

ГЛАВА II. ОБОСОБЛЕННОСТЬ СНОВИДЕНИЯ ОТ БОДРСТВУЮЩЕГО СОЗНАНИЯ

✦

Кто видит сон, тот отвращен от мира бодрствующего сознания. Привычный ход представлений прекратился. Повседневное чувственное сознание, покоящееся на данном мире созерцания, на привычном чувстве тела и на обычных делах дня, исчезло. Лишь обломки бодрствующей жизни всплывают в сновидениях — либо как образы воспоминания, либо как новые формы старого содержания. Никогда — так по меньшей мере утверждают внимательные наблюдатели сновидений, и мой опыт до сих пор с этим согласен — не встречаешь в сновидении более длинного, полного ряда состояний, событий и действий, который мог бы сойти за верное и точное повторение и воспоминание из бодрствующей жизни. В то время как воспоминание о сновидении после пробуждения более или менее возможно и порой отличается верностью и полнотой, в сновидении память об упорядоченном содержании бодрствующего сознания и его нормальном строе почти совсем утрачивается. Бодрствующая жизнь основана на правильности и порядке, на связи и прочности, на определенной последовательности во времени и периодической повторяемости. Тем самым она содержит все условия надежного и верного воспоминания. В бодрствовании они и всегда оказываются действенными и ручаются за связность истории нашей жизни. Но в сновидение они не простираются: в нем душа утратила способность пользоваться опорами, заключенными в этих условиях. «Никогда, — говорит К. Ф.

Бурдах[2], — не повторяется в сновидении жизнь дня с ее трудами и наслаждениями, ее радостями и болями; напротив, сновидение стремится освободить нас от этого. Даже когда вся наша душа была полна каким-либо предметом, когда глубокая боль раздирала наше нутро или задача поглощала всю силу нашего духа, сновидение либо дает нам нечто совсем чуждое, либо берет из действительности лишь отдельные элементы для своих сочетаний, либо входит лишь в тональность нашего настроения и символизирует действительность».

Итак, эта особенность сознания в сновидении состоит в том, что более длинные ряды представлений, сложившиеся в действительности и на основе бодрствующего чувственного переживания, в нем не воспроизводятся, не приходят к полному повторному воспоминанию. Что мы днем сделали и испытали, то во сне не повторяется так, как мы в бодрствовании на следующий день можем еще раз это осознать. Вернувшись из путешествия, мы в бодрствовании совершаем его в мыслях еще раз, от места к месту, со всеми событиями, как они следовали друг за другом во времени. Такого повторения в сновидении не бывает. Сновидение, правда, делает к нему подступ, но следующее звено выпадает: оно появляется измененным, или на его месте возникает совсем чужое. Истории, действия и события в сновидении во многих случаях имеют сходство с событиями бодрствующей жизни, но это сходство всегда означает лишь то, что они, пожалуй, могли бы случиться и в бодрствующей жизни; однако они не случились и не случатся. Можно добавить, что эта чрезвычайная беспамятность и слабость воспоминания души в сновидении в отношении ее содержания, столь прочно закрепленного в бодрствовании, касается не только длинных рядов образов и представлений, но

часто и отдельных образов и представлений, — в чем каждый легко убедится на образах определенных вещей или лиц.

Почти лишенная воспоминаний обособленность души в сновидении от правильного содержания и хода бодрствующей жизни кажется поразительной и дала повод к различным толкованиям или попыткам объяснения.

Г. Т. Фехнер[3] склонен допустить, что арена сновидений вообще иная, чем арена бодрствующей жизни представлений, но между обеими областями возникают связи и взаимодействия. Без предположения такого реального разделения двух областей, полагает он, бессвязность между жизнью сновидений и бодрствующей жизнью представлений и существенно различный характер обеих были бы необъяснимы. Если бы обе стояли на одной и той же почве, сновидение лишь продолжало бы бодрствующую жизнь представлений в меньшей степени напряженности и должно было бы разделять ее содержание и форму. Бурдах, по-видимому, хочет объяснить названное поведение сознания в сновидении прежде всего из телеологической природы сна. Сон будто бы имеет в хозяйстве природы задачу на время как бы избавить душу от трудов и напряжений сознательной и упорядоченной деятельности в бодрствовании, чтобы снова сделать ее к ней способной: значит, он должен погасить и воспоминание о ней. Этот взгляд разделяют и другие физиологи. Но Бурдах этим не довольствуется, а прибавляет еще иное мнение. Он полагает, что душа во сне отступает на ступень прежнего бытия, куда она, правда, уносит с собой кое-что из приобретенного ею высшего развития, но не может употреблять его надлежащим образом. «Душа нисходит в ночь утробной жизни, обособляясь от внешнего мира, отказываясь от чувств и движения и вновь соединяясь с общей

жизнью, от которой в бодрствовании она отделилась как нечто собственное, так что внешняя действительность теряет свое право. Фантазия, подобно образующей силе, которая, творя формы, проявлялась в зародыше, создает образы сновидений. Сновидение есть природная деятельность души, которая не ограничена властью индивидуальности, не нарушена самосознанием, не направлена самоопределением, а есть свободно играющая живость чувствительных средоточий».[4]

Автор не может согласиться ни с тем, ни с другим взглядом. Он держится того основного правила, что во всяком случае жизни сновидений надо прежде всего ориентироваться по формам и соотношениям бодрствующего сознания и стараться применять найденные для него правила и к ней.

Так вот, и в бодрствовании к гораздо большему числу восприятий, переживаний, движений и действий вообще не примыкают никакая память и никакое воспоминание. В каждый миг бодрствования мы стоим перед большей частью пережитых впечатлений и опытов в таком же неведении и забвении, в каком душа в сновидении стоит перед правильными событиями бодрствования. Большая часть вчерашнего и позавчерашнего, а еще больше — прошедших недель, месяцев и лет бесследно канула в забвение. Из бесчисленного множества восприятий, переживаний, движений и действий выделяется лишь определенный ряд звеньев и остается в воспоминании, в памяти. Взгляд назад на все наши прежние, прошедшие состояния подобен виду далекой горной цепи, у которой мы различаем лишь освещенные вершины, тогда как все, что лежит под ними, окутано глубоким мраком. Поэтому история жизни даже самого знаменитого, богатого опытом и деятельного человека заполняет всегда лишь несколько томов: в них лишь оставшийся светлым

узкий поток, что течет по содержанию всего прошлого, как по потемневшей равнине. Однако этот факт, принадлежащий бодрствующему сознанию, обычно упускают из виду и не придают ему значения.

Если спросить, чем же среди стольких утраченных вещей удерживается в памяти тот определенный ряд, способный к воспоминанию, то легко увидеть, что дело в следующем: отдельные его звенья вовсе не голые и простые образы воспоминания или простые представления о прежде виденных местах, лицах, вещах, о прежде пережитых событиях, движениях и переменах, о прежде сказанных или слышанных словах и т. д. Напротив, находишь, что к каждому звену пристают еще другие духовные элементы — чувства, боль, радость, желания, страсти, интересы, стремления, замыслы и т. д., вообще определенные психические ценности. Не будь этого, все те прежние восприятия и переживания распались бы в своих образах воспоминания и представлениях, и с большинством случилось бы то же, что и теперь уже случается со многими другими. Но так как всякий такой образ витает в некоей духовной оболочке, в которой и заключен собственный и подлинный интерес воспоминания, то именно в ней он обладает и *величиной воспоминания*, которой он удерживается вместе с остальными и возвращается в сознание.

Однако во всех воспоминаниях есть весьма примечательное различие. Только что сказанное относится почти исключительно или по меньшей мере преимущественно к тем рядам представлений, главные звенья которых состоят из прежних действительных восприятий вещей, лиц, местностей или событий. Во всех этих случаях душа вынуждена по возможности переноситься в прежнее состояние переживания, если должно возникнуть воспоминание. По сказанному, это может происходить

лишь двояким образом. Либо сначала в сознание приходит психическая ценность, и она приводит за собой отдельное звено — представление о месте, о лице и т. д., — либо последнее дано первым и вновь оживляет психическую ценность. Если, например, мне снова приходит на память событие моей ранней юности с некой психической ценностью, то мое представление принимает форму образа: это то определенное место, где оно произошло, или то определенное лицо, с которым я его пережил, или иное нечто образное, что служит носителем тех духовных состояний, которые составляли смысл и значение того события. Наоборот, когда сначала возобновляется представление, образ воспоминания о саде или о площадке для игр юности, то непременно снова осознаются и те или иные чувства, желания и действия, которые возникли в определенных положениях и событиях на тех местах. Насколько простирается связь от образного представления к психической ценности и от нее к нему, настолько воспоминание невольно и без нашего содействия будет выпрядать свои нити. Но там, где в сознании ощущается лишь слабый намек на тот или другой момент, и больше ничего, и где теперь нужна уже воля, намеренно ищущее воспоминание, усилие отступить из настоящего сознания в его прошедшее содержание, — там мучительно недостает помощи то образного представления, то психической ценности. Ищешь ее тут и там и лишь с трудом выходишь на верную.

Совсем иначе обстоит дело там, где представления движутся уже независимо от образного содержания души, где, как говорят, именно ряды понятий, прикрепленные лишь к определенным формам речи, то есть к постоянным звуковым образам, служат тем, в чем и через что должно совершиться воспоминание. Здесь у души совсем иные средства. Пусть кто-нибудь хочет, например,

вспомнить доказательство определенной геометрической истины. Здесь ему ничуть не поможет ни перенесение себя к столу, за которым он сидел, когда впервые проводил это доказательство, ни воспоминание о книге или о той странице книги, где стоит словесное выражение доказательства, или о чертеже, который к нему принадлежит. Напротив, то, что он делает и должен делать, состоит теперь в том, что он берет комплекс понятий, в котором лежат логические условия доказательства, то есть его посылки. Движения, возникающие в этом комплексе, называют *размышлением*. Им могут руководить лишь сочетания, которые возникают или представляются намеренному поиску, и их действие, которое ощущается как доказательная сила, как продвижение в растущем познании, то есть в знании и осознании. Размышление может по своей воле и с уверенностью вновь найти искомое, если только не пожалеет времени. Хотя и здесь сумма элементов, из сочетания которых проистекает знание, то есть воспоминание, тоже подчинена общим законам воспроизведения, однако именно этим законам не подчинены рассудок, ищущее сочетание, мышление как таковое. Напротив, это последнее само, руководимое главным рядом понятий, заключающим искомую истину, вмешивается в механически воспроизведенные звенья и приводит их, сознавая себя, то есть апперципируя их познавательную ценность, в логическую связь. Ход событий здесь не чисто психический, предоставленный самому себе, а направляемый высшей силой. Утраченное, то есть забытое доказательство я могу найти снова, потому что могу еще раз его изобрести. Изобретение здесь обычно, правда, называют открытием, но по сути оно не таково. Всякая первая истина изобретается, потому что прежде ее никогда не существовало. Мы называем это открытием, потому

что каждая истина кажется нам вещью, самостоятельно существующей в царстве познания.

В сновидении же прежде всего — и это ему свойственно — отступают все логические, основанные на отношениях и связях действия души. Что рассказывают об отдельных сновидениях, в которых будто бы были сделаны изобретения или открытия и совершались логические действия, — там, как показал опыт в большинстве случаев, в сновидении было лишь схематическое подражание таким действиям. Ход представлений, как бы линии, которые они описывают, принимает, правда, форму логической кривой, но элементы этой кривой не захвачены и не определены теми движущими силами, которые могли бы дать верные координаты. Форма доказательства и познания налицо, но ничего не доказывается и ничего не познается — так же, как и в бодрствовании можно строить целые цепи умозаключений по логической формуле, не имеющие ни малейшей познавательной ценности. По пробуждении и сама форма кажется злоупотреблением, неуместной и нелогичной, потому что теперь она подвергается действию тех правомочных сил, которые решают о ее ценности. А если и в самом деле однажды во сне найдено что-то осмысленное и верное, то спрашивается, насколько еще происходило сновидение как таковое или насколько рядом с ним или сквозь него уже снова пробились формы бодрствующего сознания.

С другой стороны, душа в сновидении на деле отступает еще глубже в свое первоначальное содержание. С прекращением чувственно деятельного созерцания и нормального сознания жизни она теряет и ту почву, в которой коренятся ее чувства, желания, интересы и действия. Она возвращается на ступень чистого ощущения, возбуждения ощущений, и тем самым теряет

все условия, чтобы связывать с вновь воспроизведенными или заново порожденными образами тот процесс, который в бодрствовании она связывает со своими образами воспоминания. И те духовные состояния — чувства, интересы, оценки, — которые в бодрствовании пристают к образам воспоминания, подвергаются, подобно функциям рассудка, затемняющему давлению, вследствие которого их связь с образами распадается. Образы восприятия вещей, лиц, местностей, событий и действий бодрствующей жизни воспроизводятся поодиночке в очень большом числе, но ни один из них не приносит с собой *своей психической ценности*. Она от них отделена, и потому они блуждают в душе по собственным средствам, через которые, соответственно их встрече, тоже могут возникать чувства, аффекты, желания, вообще всевозможные состояния души, — но только не те, что принадлежат нормальным связям образов и представлений в бодрствовании.

В этом обстоятельстве, по-видимому, и лежит психическое основание того, почему сновидение не может воспроизвести более длинный ряд воспоминаний из бодрствующего сознания. Разумеется, этим дело не объяснено, а лишь разобрано в своем строе. Ведь спрашивается, откуда берется само это обстоятельство. Так как в одной лишь психической сфере нельзя обнаружить причины, которая принуждала бы душу распускать прочнейшие связи и сцепления ее собственной внутренней жизни и тем как бы разрушать дело, выстроенное ею с большим трудом, то можно счесть вероятным, что в содержание души во время сна вмешиваются какие-то органические влияния. Но в чем они состоят? Внутренние ли это движения известных центральных частей мозга, или возбуждения чувствующих нервов, переходящие на их центральные части, или действия между

мельчайшими частицами, поддерживаемые непрерывным процессом питания, то есть распределением крови, или колебания электрических напряжений в нервных элементах? Все это, или то или другое из этого, может быть, но этого не знают. Физиология не может найти здесь определенной и надежной точки приложения, а значит, и дать ее не может: приходится довольствоваться перечислением *психических* условий явления.

Несомненно, с обособленностью сновидения от бодрствующей жизни и с обнажением его образов от соответствующих им психических ценностей связано то, что сознание в сновидении и само по себе окрашено иначе, чем бодрствующее, и что всякое сновидение в воспоминании кажется нам чем-то чуждым, принадлежащим совсем иному миру, чем мир чувственного восприятия.

Характер мира сновидений лучше всего привести себе в сознание, вполне отдав себе отчет в живости бодрствующего мира восприятий. То, что мы в бодрствовании различаем как мертвое и живое и ощущаем в этом различии, — это же соотношение еще раз встречается между мертвым бодрствования и живым сновидения. Стул, виденный в бодрствовании, — то есть нечто мертвое, — кажется нам все же чем-то живым, если сравнить его со стулом, виденным во сне. То же относится ко всем образам сновидения, представляют ли они вещи, лица или события. Это не исключает того, что в некоторых сновидениях содержание ощущения — звук, цвет — может быть так же живо, как в бодрствовании, или что слышатся мелодии и видятся пейзажи, о которых проснувшийся утверждает, что они превосходили действительность красотой и блеском. Характер сознания никогда не зависит от одной лишь силы его элементов.

С другой стороны, так как, проснувшись, мы не можем вписать сновидение ни в историю нашего прошлого, ни в наше настоящее, мы выходим из сновидения словно из иного мира. Бодрствующему «я» трудно приписать себе события сновидения, считать себя виновником и носителем сновидения, тем же субъектом, который теперь бодрствует, а ночью видел сон. Многие люди с трудом или вовсе не преодолевают этой трудности. Сновидение для них действительно приходит из иного мира; в сновидении для них лежит иной порядок вещей; в нем говорят иные, чужие существа; для них оно не подчинено законам видимого мира и потому считается у них чем-то высшим и более свободным. Здесь кроется главный повод к склонности людей приписывать сновидениям необычайную ценность и в особенности понимать их как указания на будущие события.

ГЛАВА III. ПАМЯТЬ В СНОВИДЕНИИ. ПОЧЕМУ ДУША СЧИТАЕТ ПРИСНИВШЕЕСЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

✦

Кто ощущает или переживает звуки, цвета, кожные чувства, запахи и т. д. вследствие известных впечатлений, идущих из внешнего мира, при посредстве органов чувств и мозга, тому в ощущении или в переживании звук, цвет, запах и т. д. *сознаваемы*. Поскольку здесь речь идет об ощущении как таковом, принадлежащее ему сознание мы называем *сознанием ощущения*.

В бодрствовании же сознание ощущения, если отвлечься от случаев телесной или душевной болезни, возникает лишь тогда, когда связь между внешним миром, органом чувств, мозгом и душой допускает непрерывную передачу некоего процесса, отчасти состоящего в движениях, отчасти еще совсем неизвестного. При закрытых глазах или заткнутом ухе, при разрушенном зрительном или слуховом нерве и т. д. ощущения не возникают.

В сновидении же душа обладает способностью приобретать сознание ощущения без того, чтобы толчок к нему исходил из внешнего мира. Во сне она ощущает во всех разрядах ощущений. Она видит цвета; она слышит всевозможные звуки, шумы, голоса; она ощущает вкус и запах, имеет ощущения давления и осязания. Она приходит к сознанию мышечных чувств, какие возникают при хватании, поднимании и т. д. В области ощущений, возникающих лишь вследствие внутренних раздражений и возбуждений и составляющих большую часть общего чувства тела, — таких как

боль, удовольствие, щекотка, голод, жажда, отвращение и т. д., — эта способность уменьшается, поскольку, по-видимому, подобные ощущения реже встречаются в сновидении обособленно и самостоятельно. Но, насколько они доходят до сознания души, они служат точками опоры для образования сновидений, о чем речь пойдет позже.

Только что обозначенные элементы сновидения, а именно ощущения, — отнюдь не простые представления о прежде, в бодрствовании, испытанных сходных состояниях, а истинные и действительные переживания души, какие возникают в бодрствовании при посредстве чувств. Это видно из того, что некоторые из них, как звуки и цвета, и после пробуждения еще некоторое время остаются сознаваемыми, и бодрствующее сознание воспринимает их так же, как прочие свои ощущения.

Из этого сознания ощущения далее возникает, как в бодрствовании, так и в сновидении, *сознание восприятия*. Душа и в сновидении прежде всего создает из ощущений образы и формы, которые ведут себя как ее восприятия и созерцания в бодрствовании. Но в бодрствовании для этого опять-таки нужно содействие внешнего мира. Если его нет, то деятельность души, создающая восприятия и созерцания, вообще образующая формы, в отношении ощущений прекращается. Что рассказывают о некоторых лицах, будто они чисто внутренней деятельностью души в бодрствующем состоянии могли вновь порождать образы воспоминания, вполне равные известным прежним созерцаниям, — это, по-видимому, пока исключение.[5] Правило же таково: когда деятельность чувств прекращается, то есть от предметов внешнего мира не исходит никаких впечатлений, то пропадают и образы восприятия или созерцания. Их место занимают бледные образы воспоминания или вообще представления и мысли,

большей частью, однако, не обособленные, а связанные со слышимыми или беззвучными звуковыми образами и двигательными чувствами речи. Когда мы в бодрствовании говорим о лошадях, и о лугу, на котором они пасутся, и о пастухе, который их стережет, и о собаке, которая на них лает, то каждый замечает разницу — видим ли мы при этом эти предметы на самом деле или нет. В последнем случае в сознание входят лишь бледные образы воспоминания или представления о них с соответствующими словами; отдельный образ, каким он возник при действительном восприятии, не появляется. Во сне же это иначе. Если бодрствующая душа представляет и мыслит словесными образами и речью, то во сне она представляет и мыслит действительными образами ощущений. В названном случае видящая сон душа действительно видит лошадей, видит луг, на котором они пасутся, пастуха, который их стережет, и слышит, как лает собака.

Но сознание восприятия в сновидении оставалось бы несовершенным и не достигало бы характера чувственного бодрствующего мира восприятий, если бы к нему, как и в бодрствовании, не присоединялась еще иная форма сознания, а именно *сознание пространства*. Без пространственных представлений душа видела бы свои сновидения лишь так, как она в бодрствовании представляет себе отсутствующие или прежде виденные вещи и прежде пережитые события, — то есть в слабых образах воспоминания и представлениях, причем эти образы и представления не принимали бы значения и вида внешних вещей и внешних событий. Как уже сознание ощущения в сновидении у лиц, которые не видят снов в цвете,[6] бледнее и ограниченнее, чем там, где это бывает, так и сознание восприятия во сне было бы еще куда безжизненнее, если бы его бесцветные

образы лишь так проходили через душу, как в бодрствовании обычно проходят мимо нас представления воспоминания. Чтобы сознание восприятия во сне приблизилось к бодрствующему, душа должна и во сне помещать свои ощущения и образы во внешнее пространство, то есть иметь сознание пространства.

И это действительно происходит во сне. Душа во сне, как и в бодрствовании, локализует свои ощущения и восприятия, строит себе тем самым пространство сновидения и представляет в нем свои образы и восприятия в покое или в движении. Благодаря этому содержание сновидения приобретает для души внешность вне ее и становится окружением сновидения, или миром восприятий сновидения.

Что и этим высказано нечто фактическое, не может быть сомнений ввиду согласных показаний всех лиц, рассказывающих о своих сновидениях. Кроме того, это подтверждается тем, что, подобно отдельным ощущениям, и образы вещей или лиц, спроецированные и локализованные в пространстве сновидения, сохраняются после пробуждения и предстают воспринимающему с полной объективностью. Такие случаи многократно рассказаны писателями, и в жизни тоже бывает случай услышать подобное от достойных доверия людей.[7]

Конечно, благодаря этой своей способности — без участия внешних условий обычного ощущения возвращаться во время сна в область полного и действительного переживания ощущений и при этом применять свою деятельность, и образующую формы, и порождающую пространство, отчасти на старых привычных путях, отчасти в совершенно новых направлениях, — душа получает преимущество перед своим поведением в бодрствовании. Не говоря уже о плодах этой способности — умении развить содержание ощущений в образы, сцены, действия

и события, до которых она в бодрствовании никогда не доходит, — душа именно благодаря ей приобретает и в мире ощущений несравненно более обширную память. Во сне ей становятся сознательны впечатления как из недавнего времени, на которые она наяву едва или вовсе не обращала внимания, так и из самого отдаленного прошлого, которые без сновидения, быть может, канули бы в вечное забвение. Если, таким образом, это углубление сознания ощущений дает ей до некоторой степени возмещение за утрату воспоминания о правильном ходе бодрствующей жизни, то, с другой стороны, с ним опять-таки связан ряд невыгодных последствий. Самое заметное из них то, что душа во сне поддается обману, будто ее образы сновидения — действительные вещи, а исходящие от них движения и действия — действительные события. Оба эти следствия, существенно характеризующие сновидение, заслуживают краткого рассмотрения.

Прежде всего, что касается *памяти сновидения*, то самое примечательное в ней — не чрезвычайный объем, из которого сновидения черпают свои образы, и не живость и верность, которыми эти отдельные образы, при всей неверности, путанице и несообразности их сочетания в более крупные целые, нередко отличаются, а то обстоятельство, что *именно утраченная для бодрствующего сознания область жизни ощущений снова пробивается в сознании сновидения и тем самым обнаруживает, что она не уничтожена*.

К этой особенности памяти сновидения следует отнести уже такие случаи, когда разбор сновидения находит в нем составные части, которые хотя и происходят из переживаний вчерашнего или позавчерашнего дня, но были для бодрствующего сознания столь незначительны и малоценны, что вскоре после того, как были пережиты, предались забвению. Такие переживания — это,

например, случайно услышанные слова или мимоходом замеченные действия другого человека, быстро промелькнувшие восприятия вещей или лиц, отдельные небольшие отрывки из прочитанного и тому подобное. Большая доля наших сновидений содержит подобные воспроизведения или — как бы далеко ни разросся в остальном вольный узор ассоциаций сновидения — может быть связана с такими всплывшими в памяти обрывками из круга опыта последних дней.

Еще яснее выступает расширенная способность души к воспроизведению во сне в тех случаях, когда целые ряды чувственных ощущений с полностью сохранившимся порядком доходят во сне до сознания, хотя для закрепления их в памяти во время бодрствования необходимое условие, казалось, совершенно отсутствовало. Человек, не учивший ни латыни, ни греческого, произносит во сне целые предложения на том или другом языке. Но он их *слышал* или *читал*, и этого вполне достаточно, чтобы такое событие сновидения состоялось. Иной не слишком сообразительный или невнимательный школьник может во сне знать больше или многое лучше, чем наяву, то есть он ничего не может лучше понять или передать как понятое, но может, сновидя, воспроизвести как упорядоченный ряд ощущений услышанное или прочитанное, чего он, возможно, вовсе не понимал или не замечал.

Дело заходит еще дальше, когда замечаешь, как сновидение порой словно из-под глубочайших и мощнейших завалов, которыми позднейшее время засыпало самые ранние переживания юности, извлекает образы отдельных местностей, вещей, лиц совершенно невредимыми и с первоначальной свежестью. Это не ограничивается лишь такими впечатлениями, которые при своем возникновении получили живое сознание или

соединились с сильной душевной значимостью, а теперь, позже, возвращаются во сне как настоящие воспоминания, которым радуется проснувшееся сознание. Глубина памяти сновидения охватывает, напротив, и такие образы лиц, вещей, местностей и событий самой ранней поры, которые либо имели лишь слабую степень сознания, либо не обладали никакой душевной значимостью, либо давно утратили и то и другое и потому как во сне, так и после пробуждения кажутся совершенно чужими и незнакомыми, пока не откроется их раннее происхождение. Поучительный случай такого рода рассказывает А. Мори.[8] Некий господин Ф. жил ребенком в Монбризоне и бывал также в окрестностях этого города. Двадцать лет спустя он решает снова посетить места своего детства. В ночь перед отъездом ему снится, будто он находится в совершенно незнакомом ему селении и встречает там на улице столь же незнакомого человека, с которым беседует и который называет ему и свое имя. Через несколько дней после сна и после отъезда господин Ф. попадает в окрестностях Монбризона в селение, которое тотчас узнает как виденное во сне, и встречает там человека — того самого, с которым беседовал во сне, с той лишь разницей, что этот выглядит несколько старше. Завязавшийся с ним разговор полностью подтверждает истинность сновидения, но дает и вполне естественное объяснение: оказывается, что незнакомец был другом покойного отца господина Ф. и тот видел его ребенком.

Можно предположить, что многие сновидения, в которых иные видят силу души, позволяющую ей обретать знание о совершенно ей неизвестном, никогда ею не виденном и не слышанном, из далекой дали или из минувшего времени, имеют свое основание в оживлении сознания ощущений отдельных или связанных между

собою впечатлений, которые бодрствующий либо никогда не воспринимал с ясным сознанием, либо давно снова забыл. Если принять далее во внимание, что и душевные впечатления, основанные на чувственном восприятии, точно так же воспроизводятся во сне и могут дать повод к продолжающемуся построению сновидения, то становится возможным, что кто-нибудь видит во сне будущие события как таковые или символически, то есть выраженными через родственные образы. Сновидение называют тогда сбывшимся, коль скоро действительное внешнее положение дел, из которого происходит бессознательно вызывающее сновидение впечатление, по своим собственным условиям должно было прийти к соответствующему исходу и действительно к нему пришло.

Этих замечаний может быть достаточно, чтобы показать, в какие тонкие и далеко идущие сплетения проникает воспроизведение, или память, во сне. На чем причинно основана замечательная способность души восстанавливать во сне свое сознание ощущений и при этом превосходить свое поведение в бодрствовании большей широтой и глубиной воспоминания, пока еще ни физиологически, ни психологически не выяснено в достаточной мере, чтобы можно было что-либо добавить об этом здесь. Все эти случаи, как и многие другие формы сознания сновидения, показывают, однако, что душа в бодрствовании работает, с одной стороны, в более благоприятных, а с другой — в менее благоприятных условиях и обстоятельствах, чем во сне, хотя и решено, что разумность ее работы остается привязанной к условиям бодрствующего сознания.

Только что сказанное подтверждается теперь и другой особенностью сновидения. Она состоит в том, что душа принимает воображаемые предметы, простые образы ощущений

и внутренние восприятия за действительные вещи, а связанные с этими образами и восприятиями чисто субъективные, именно лишь пригрезившиеся состояния — за действительные события и переживания.

Прежде всего нужно признать, что душа во сне находится по отношению к своим образам и восприятиям в том же положении, что и в бодрствовании. В обоих случаях налицо действительное и подлинное ощущение, и в обоих случаях образы и внутренние восприятия переносятся в пространство. Таковы всегда основные условия, если душа должна получить сознание внешней реальности и принимать свои состояния, которые и в бодрствовании суть и остаются ее собственными, за нечто от нее отделенное, за внешние вещи. Оба условия имеются и во сне и нередко еще подкрепляются тем, что образы вещей, лиц и местностей — старые знакомые, как и действия и события, которые к ним примыкают. Душа, стало быть, во всяком случае поступает последовательно: в ней действуют те же определяющие основания, что и в бодрствовании, когда она, сновидя, принимает свои образы, состоящие из фактических ощущений, за действительные внешние вещи. Образ, воспринятый во сне, для нее, например, — действительное лицо, потому что она видит его перед собой, потому что слышит слова, произносимые устами образа, потому что воспринимает движения, принадлежащие только ему, и так далее. Совершенно так же обстоит дело в бодрствовании.

И все же мы настаиваем на том, что образы, виденные во сне, вместе с примыкающими к ним действиями и событиями принимаются за действительность *неправомерно*, а виденные в бодрствовании вещи и пережитые события — *правомерно*. Мы утверждаем существенное различие между поведением души в

том и другом случае. Это суждение мы выносим не во сне, а в бодрствовании. Мы, правда, допускаем, что душа во сне до известной точки последовательно принимает свои образы за вещи, но спрашиваем, почему же она во сне не доходит до того, чтобы признать этот вывод все-таки неверным и считать верным лишь бодрствующее представление.

Если мы в бодрствовании видим что-нибудь, например розу, то можем приблизиться к ней, взять ее рукой, ощутить при этом сопротивление, понюхать ее, полюбоваться ею и порадоваться ее красоте, разорвать ее и снова взять в руку куски.

Каждый признает, что в обыденной жизни мы считаем названные обстоятельства уже вполне достаточными, чтобы обосновать убеждение, что мы имеем дело не просто с воображением, не с чисто субъективным образом восприятия розы, а с *действительной* розой, с вещью, которая помимо нашего ощущения, восприятия и представления есть и остается еще чем-то, даже когда ощущение, восприятие и представление прекратились.

Но все эти обстоятельства, несомненно, могут совершенно так же случиться и во сне, и именно поэтому образ розы во сне, конечно, и принимается за действительную розу. Следовательно, если роза во сне все же нечто иное, чем роза в бодрствовании, то названные обстоятельства не могут быть достаточным основанием того, почему это различие прочно и действительно. Душа во сне неправомерно заключает из названных обстоятельств, что ее образ розы есть нечто действительное. В бодрствовании же, помимо названных обстоятельств, должно содействовать еще нечто иное, чтобы мы по праву предполагали, что имеем дело с действительной вещью, а не просто с субъективным восприятием. Душа во сне, должно быть,

заключает *слишком много* — больше, чем дают ей права названные обстоятельства, а именно то, что она действительно ощущает и помещает свой действительный образ ощущения в пространство; и вместе с тем она, должно быть, находится в таком положении, в котором истинные основания, по которым бодрствующая душа по праву считает воспринятое чем-то действительным, не могут дойти до ее сознания.

Так оно и есть на деле. И в бодрствовании достаточное основание того, что мы принимаем свои восприятия за образы действительных вещей, лежит не в одних названных обстоятельствах. Оно лежит скорее в том, что душа в бодрствовании, когда она видит, слышит и так далее, сопровождает эту свою жизнь ощущений мыслью, что последняя *вызвана* не самою душой, не ее собственной властью и силой, не ее собственным умением и волей, а *чем-то иным*, что находится вне ее и не есть она сама. Обычное сознание выражает эту мысль так, что предполагает: цвета, звуки, запахи и так далее вместе с формами и очертаниями, принадлежащими ощущениям, ему *даны*, *поданы* извне; они пришли в нас снаружи. Эта мысль подкрепляется тем, что от многих образов вещей, как мы видим, исходят изменения, движения, преобразования, причину которых мы точно так же не можем искать в самих себе. Мы приписываем внешним образам взаимодействие между собой, о котором точно так же должны предполагать, что оно от нас не зависит. Наконец, обе мысли ежедневно подтверждаются тем, что всякое субъективное вмешательство с нашей стороны в объективность и всякое притязание, которым мы хотели бы приписать реальность этих образов единственно себе, этими самыми образами отвергается. Мы бессчетное число раз убеждаемся, что *произвольно* можем заменять свои внутренние образы и

представления другими, с внешними же восприятиями такой замены произвести не можем. Испытывая внешние образы в этом смысле, мы узнаем тщетность такой пробы и потому должны считать свое допущение, что имеем дело с образами действительных вещей, или, короче говоря, с внешними предметами, подтвержденным тысячами одинаковых случаев. При этом в бодрствовании нам всегда служит мысль, что мы можем произвести эту пробу, а вместе с ней и сознание различия между лишь субъективными образами или представлениями и такими, которым принадлежит значение внешней реальности. Короче: убеждение в реальности вещей вне нас возникает в бодрствовании оттого, что мы со всех сторон вынуждены пользоваться представлением причинности так, что за причину своего восприятия должны принимать не самих себя, а нечто иное, находящееся вне нас.

То, что мы в бодрствовании принимаем воспринятое, то есть увиденное, осязаемое и так далее, за *самостоятельную и действительную вещь*, имеет, стало быть, свое достаточное основание *не* в том, что мы переносим свои восприятия вовне, то есть приводим их в пространственные отношения, согласно которым представляем их удаленными от образа нашего тела на такое-то расстояние и отстоящими друг от друга на такое-то расстояние. Решающее основание заключается в том, что в использовании наших ощущений для образов и вместе с ним, а также вместе с той деятельностью души, которой она превращает эти свои образы во внешние восприятия, постепенно, из наступающих при этом обратных действий и опытов, складывается представление причинного отношения и для применения этого представления возникают различия, по которым мы в одних случаях ищем причину восприятия вне нас, а

в других — нет. Поэтому нельзя согласиться и с воззрением физиологии, когда она учит, что душа *переносит свои ощущения и образы ощущений вовне потому, что относит их к причинам или к исходным точкам внешних раздражений*, которыми и от которых возникают ощущения. Ошибка здесь в том, что *перенесение вовне* — процесс, касающийся только ощущений и протекающий только в них, — связывается с *представлением причины*, с которым этот процесс как таковой не имеет ничего общего. Душа давно уже обладает внешними восприятиями, прежде чем у нее появляется мысль о воспринятом как о действительной вещи. Ясно, что то, что мы в других случаях по соображениям рассудка вынуждены *мыслить* как нечто внешнее, оттого еще не *воспринимается* как внешнее. Точно так же *воспринимать нечто внешнее* вовсе не значит то же самое, что *принимать это за нечто действительное и сущностное, за вещь*. Склонность или привычка, по которой это в жизни все же происходит, имеет свое основание не в тождестве обоих различных актов души, а в том, что *в большинстве случаев* там, где воспринимается нечто внешнее, правильно следует и присоединяется также мысль, что воспринятое есть нечто действительное и сущностное.

Во сне же душа пусть и действительно ощущает. Пусть она образует из своих ощущений образы и делает эти образы внешними восприятиями, распространяя, как и в бодрствовании, пространственное представление. Но большего, чем это, она не может. Ни с одним из своих восприятий она не может связать мысль, что его образ вызван не ею, а чем-то иным, а следовательно, и обратную мысль. Она не связывает этой мысли или ее противоположности и с изменениями и движениями, которые воспринимает на образах и среди них. Она не проводит различия между *произвольно* заменимыми образами и другими,

где этот произвол отпадает. Она не может подвергнуть свои внешние образы пробе. Наконец, менее всего может она довести до своего сознания мысль о различии между лишь субъективными образами и такими, которым принадлежит значение реальности. Короче, *она не может применить закон причинности к содержанию своего сновидения*. Именно поэтому сновидящая душа — не бодрствующая душа. Сновидящая душа невольно подчиняется *первым* членам из ряда условий, которые лишь в своей совокупности дают право признать реальность воспринятого; действие недостающих членов отпадает, и поэтому она поддается обману. Этот обман исчезает в тот миг, когда она схватывает недостающее и тем самым возвращается из сновидения в бодрствование. *Только бодрствующая душа в состоянии удерживать и применять различие между лишь субъективными восприятиями и такими, в основе которых действительно лежат внешние причины.*

Вследствие только что раскрытого поведения души сновидения приравниваются к ее состояниям при некоторых болезнях и при душевном расстройстве. В таких случаях субъективные образы восприятия точно так же выступают внешне и объективно, и душа принимает их за действительные вещи. Галлюцинации больных и душевнобольных — это сновидения, и многие сновидения — галлюцинации. Как сновидящий не может совершить названных выше духовных актов, совершив которые он пробудился бы от сновидения и признал принятие образов сновидения за действительность обманом и заблуждением, так не может этого и больной, и душевнобольной. Душевнобольной в своих галлюцинациях — это сновидящий наяву, и в благоприятном случае он может быть пробужден от своих сновидений с помощью врача; обычный же

сновидящий, пока он здоров, имеет твердую надежду, что возвращение от сна к бодрствованию освободит его от обмана.

Необходимо, однако, указать, как трудно иному человеку избавиться в бодрствовании от испытанного во сне обмана, при котором он принимает образы сновидения за действительные вещи. Он переносит с собой в бодрствование сложившееся во сне твердое убеждение, что имел дело с существами, находящимися вне его и вступившими в круг его восприятия без его ведома и воли, и не в силах применить к своим сновидениям те средства познания, которыми располагает рассудок в бодрствовании и с помощью которых он мог бы отличить субъективные восприятия от действительных предметов. *Психическое* действие сновидения продолжается у него в бодрствовании как пробел в его *логическом* мышлении, и он остается при твердом мнении, что виденное, осязаемое, слышанное во сне было действительностью и правдой. Даже язык, которым он выражает это свое убеждение, служит его упрочению. Он говорит не о том, что видел *образ*, служивший ему воспоминанием об умершем, а о том, что видел умершего, что умерший ему явился. Он говорит не о том, что видел *образ*, представивший ему во сне тот дом, или ту улицу, или ту местность, которые он узнал наяву, а о том, что был в том доме, на той улице, в той местности. Если же этого прямолинейного смешения, которое проистекает из незнания или недостатка размышления, не происходит, то у других, большей частью в остальном более образованных людей, толкование нередко принимает столь же спорный оборот. Иной человек, в остальном образованный, отлично знает, что присутствовавшие во сне образы не были самими вещами или лицами, которые они изображали, но другое представление — что во сне способность созерцания действительно может простираться до самой

отдаленной и даже никогда прежде не виданной, но существующей в реальном мире местности — остается у него как надежное и обоснованное. Или же он применяет представление причинного отношения, которым в остальном и во всех случаях, когда речь идет о восприятиях, пользуется правильно, к восприятиям во сне неверно. О том, что он видит наяву, он знает и понимает, что может видеть это лишь тогда, когда от действительных вещей в его глаз падают лучи света и этот орган вместе с принадлежащим ему нервным аппаратом совершает свою работу. О таком причинном отношении применительно к тому, что он видит во сне, не может быть и речи, однако он продолжает стоять на том, что образы сновидения вызваны в нем извне. Поэтому он ищет, к чему бы привязать причинное отношение в другом месте, и, не находя в чувственном мире подходящей точки опоры, переносит его в невидимый, сверхчувственный мир царства духов, который либо достигает своими действиями души сновидящего, либо дает о себе знать из глубины самой сновидящей души. Явления во сне становятся знаками, намеками, символами со стороны чужой силы или проявлениями прорицательной способности души, не связанной оковами реального познания и логического умозаключения.

ГЛАВА IV. РЕЧЬ ВО СНЕ

✦

Известно, что во сне по самым разным поводам часто возбуждаются и представления движения, которые воздействуют на двигательные нервы — нервные аппараты движения тела. Снятся истории и действия, и связь относящихся к ним образов со стремлениями и интересами души приводит в движение определенные группы мышц, благодаря чему сновидящий переходит к действиям.

Весьма вероятно, что как раз самая тесная и самая привычная для нас связь между представлением и опосредованным движением не может остаться здесь непричастной. А связь эта заключается в том обстоятельстве, что большинство наших представлений ассоциировано со звуками речи, со словесными образами и привязано к течению словесных образов в речи, которое никогда не совершается без движения. По опыту мы в бодрствующем состоянии едва знаем единичные случаи, когда движение мысли было бы совершенно свободно от словесных образов: почти всегда это тихая, неслышная речь, в которой мысли текут и совершают свой ход. Эта беззвучная речь состоит большей частью из рядов мышечных ощущений, которые остались в памяти от действительной громкой речи и которыми мы всякий раз, когда снова намереваемся говорить вслух, пользуемся как побуждениями к двигательному процессу в нервах, управляющих мышцами органов речи. Совершенно невозможно, чтобы это отношение между представлением, словесным образом, мышечным чувством и двигательной

тенденцией последнего во сне, во время сновидения, оставалось без действия.

Сновидения и в самом деле очень часто представляют случаи, когда говорит либо сам сновидящий от своего лица, либо чужое, представляемое лицо. Эта речь нередко переходит в движения органа речи — губ, языка и так далее, — которые замечает у сновидящего бодрствующий наблюдатель; или же она прорывается в слышимую, хотя большей частью путаную и невнятную речь сновидящего. Автор, однако, держится мнения, что здесь *речевая тенденция* души, как ее можно назвать, не всегда стоит лишь на *службе* у представлений сновидения, но что она, напротив, и сама доставляет сновидению новый материал благодаря своему обратному возбуждению, идущему внутрь, в содержание представлений души. Речевая тенденция порождает не только раздражение нервного аппарата движения, но, поскольку она тесно связана с отдельными определенными словесными образами, она через уже возбужденные ею элементы будет, в свою очередь, воздействовать и на другие, новые элементы представления, то есть участвовать в определении того, *что* говорится во сне.

Детей, находящихся в первой поре речи и особенно живого темперамента, мы нередко видим подолгу расхаживающими по комнате словно во сне и слышим, как они при этом непрерывно говорят. Они перебирают весь свой запас слов, который порой приводит нас в удивление, потому что нередко содержит составные части, далеко отстоящие от детского возраста и появляющиеся в предложениях с кажущимся глубокомысленным и поэтическим смыслом. В этом смысле или поэтическом содержании такие дети определенно ничего не понимают, и маловероятно, чтобы со *всеми* словесными образами, которые они

употребляют, у них уже вообще были связаны определенные и конкретные представления. Большей же частью то, что они говорят, лишено смысла и очень похоже на речи, которые мы, взрослые, произносим во сне. Позже дети переносят свой запас слов и свою охоту говорить на восприятие предмета, которым они заняты, — на куклу, или собаку, или птицу, с которыми имеют дело. При этом всякий раз возникает взаимодействие между речевой тенденцией и принадлежащей ей массой словесных образов, с одной стороны, и восприятиями и созерцаниями, которые предмет производит своим изменчивым поведением и предлагает как новые раздражения, — с другой. *Ребенок теперь в самом деле бодрствует во сне*; он подчиняется действию бессознательного процесса и действует в нем, пока длится процесс, или до тех пор, пока его не прервет привычное, уже понятое и поддающееся верному толкованию впечатление, исходящее большей частью от телесных потребностей или от кого-нибудь из взрослых в окружении ребенка. Тогда ребенок пробуждается из сознания сновидения и возвращается к относительно разумному представлению и действию в бодрствующем состоянии.

Мнение автора теперь таково, что в наших сновидениях дело обстоит совершенно так же. Все мы живем в неразрывной привязанности к словесным образам и к принадлежащей им двигательной тенденции не только постольку, поскольку мы, бодрствуя, представляем и вообще ощущаем течение своих представлений, но и в общении с другими людьми постоянно обращены к процессу речи, — настолько, что любой образ человека мы и представить себе не можем иначе как способным к речи и склонным к ней. Немой, с которым мы сталкиваемся, для нас не обычный, цельный, полный человек, а число немых к тому

же в сравнении с числом способных и склонных к речи очень мало и для нашего восприятия не имеет значения. Если нам во сне являются образы людей, они, конечно, могут быть немыми; но тогда они и во сне часто вызывают наше удивление: они кажутся нам во сне жуткими и необычными. Уже здесь, в этом обратном действии немых человеческих образов во сне на наше «я», дает о себе знать речевая тенденция, и она при первом же удобном случае, какой предоставят для этого элементы сновидения, несомненно перейдет в речь. Образ человека — это наш образ; сам он говорить не может: но с образом для нашего представления связана речевая тенденция. Эта речевая тенденция есть и в нас самих и потому естественным образом присоединяется к образу, то есть переносится на него *как исходящая от него*. Во сне мы сами — и говорящие и те, к кому обращаются, и ораторы и собственные свои слушатели, и то, что образ человека, на который переносится наша собственная речевая тенденция, говорит нам во сне, не может быть ничем иным, как тем или иным, что из круга наших представлений более или менее сообразно обстоятельствам приходит в воспроизведение и переходит в ход мыслей, — часто уместным, часто несообразным. Вследствие этой тенденции может случиться и так, что даже животное или что-нибудь еще представляется во сне говорящим и человеку чудится, что он слышит от него речь, — совершенно так же, как это бывает и с людьми, страдающими видениями и галлюцинациями.[9]

ГЛАВА V. СОЗНАНИЕ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ ВО СНЕ

✦

Выше уже шла речь о сознании пространства у души во сне, о ее пространстве сновидения. Точно так же у души во сне есть и некоторое сознание времени. Относительно обоих этих способов представления во сне нередко встречаешь как в обыденной жизни, так и в сочинениях взгляды отчасти недостаточные и неверные, отчасти преувеличенные. В особенности распространено мнение, будто душа во сне становится способна расширить свою способность представлять пространства и пространственное, а также времена и временное, за пределы той меры, какой она располагает в бодрствовании. Душа будто бы во сне отчасти воспринимает и охватывает *больше* пространства и *больше* времени, отчасти может переноситься в отдаленные пространства и времена с большей скоростью, чем в бодрствовании. Границы пространства и времени для сновидящей души будто бы в известной мере перестают существовать. Она, говорят, с несравненной скоростью перескакивает из одного места в другое, из одного времени в другое, между которыми лежат величайшие промежутки, и делает все это с изумительной легкостью, тогда как в бодрствовании для этого требуется напряжение фантазии или рассудка. Эту предполагаемую способность души затем часто используют для утверждения, что сновидящая душа может покидать свое обычное место, или познавать пространственно отсутствующее и происшедшее раньше во времени, или предвидеть то, что еще

только наступит в будущем. Не рассматривая здесь подробно эти последние утверждения, мы в дальнейшем проверим лежащее в их основе допущение, то есть установим, что сновидение в своем пространственном и временном представлении действительно дает и чего не дает.

Прежде всего, что касается *представления пространства*, достаточно лишь освободиться от обмана, из которого проистекают все восхваления пространственного созерцания сновидящей души, чтобы убедиться, что способность души представлять пространство и пространственное в бодрствовании намного превосходит ту же способность во сне. В бодрствующем состоянии мы с сознанием видим самые отдаленные предметы, такие как Солнце, Луна и звезды, и обозреваем несколько миль в округе, если нет физического препятствия. Мы мысленно измеряем при этом различия расстояний, по которым воспринимаемые вещи упорядочиваются и группируются позади, над, под и рядом друг с другом. Пространство сновидения, напротив, в подавляющем большинстве случаев имеет сравнительно более близкую и вместе с тем темную границу, внутри которой и сознание различий расстояния, если вообще есть, то лишь слабое. Так, по крайней мере, оно представляется автору, когда он, например, всматривается в ландшафт сновидения. Как мы никогда не можем расширить темное поле зрения закрытого глаза, когда в него всматриваемся, так же далеко, как поле зрения открытого глаза, так и поле зрения сознания сновидения — а это и есть пространство сновидения — обычно уступает последнему и больше походит на поле зрения закрытого глаза.

Что касается, далее, представления пространственных образов, то есть вещей и лиц, то оно во сне достигает, правда, большего,

чем при простом *представлении их по памяти* с закрытыми глазами в бодрствовании, но все же не столь многого, как представление при действительном восприятии. Действительные образы созерцания, которые мы переживаем вследствие определенных раздражений, действующих на органы чувств, решительно превосходят в большинстве случаев образы сновидения ясностью и отчетливостью и облечены сознанием действительного, сопереживаемого бытия и жизни, чего у образов сновидения нет. Образы сновидения могут в лучшем случае *сравняться* с действительными чувственными созерцаниями по ясности и живости, как это в отдельных, редких случаях может быть верно и относительно бодрствующих образов воспоминания[10]; но превзойти их они, конечно, никогда не могут, потому что у души нет в одной себе условия, чтобы породить из самой себя более живое ощущение, например цвета, чем то, которое она производит вследствие чувственных раздражений. Поэтому и пространство сновидения достигает той ширины, какой оно обладает в бодрствующем созерцании, только в тех случаях, когда образы сновидения почти или вполне возвращаются к степени ясности, присущей действительному восприятию.[11] О таких сновидениях затем часто рассказывают, что в них воспринимали несравненно прекрасное, например ландшафты с невиданными прежде красками. Но и это обман суждения, который, как каждый может заключить по собственным переживаниям такого рода, вызван не действительным свойством увиденного, а его необычностью и чуждостью, которые не укладываются в повседневную картину мира. То же самое относится и к случаю, когда музыкант утверждает, что слышал во сне звуки и музыкальные пьесы

такого своеобразия и красоты, какие в бодрствующей жизни не встречаются.

Насколько верно то, что душа во сне становится способна возвращать свои состояния ощущения, на которых основаны восприятия и созерцания дня, почти или в благоприятнейшем случае полностью к той же степени ясности, какая была им присуща в высшей точке их образования, настолько же надо признать, что сновидения представляют нам *отдаленные местности отчетливее, яснее и живее*, чем это могут сделать простые представления или бодрствующие образы воспоминания о них. С этим поведением представлений во время сновидения, несомненно, связан обман, в силу которого человек, сновидя, полагает, *что действительно перенесен в самые отдаленные пространства*. Во время сновидения этот обман исправить нельзя. Но можно и должно сделать это после пробуждения, поскольку немного размышления требуется, чтобы понять: если сновидение и перенесло нас в отдаленное место, мы все же поистине и в действительности телом и душой оставались в постели. Если мне снится, что я в Берлине, то, проснувшись, я не вправе утверждать, будто видел этот сон в Берлине, если спал в Лейпциге. Перенесение в отдаленные пространства во сне лишь постольку *совершеннее*, поскольку оно вследствие близкой или равной действительности ясности образов влечет за собою обман, *будто мы действительно там*, тогда как перенесение в отдаленные пространства в простом представлении в бодрствовании от этого обмана свободно. Если угодно назвать это преимуществом сновидящей души, то против этого нечего возразить. К этому присоединяется еще усиленное удивление тем, что во сне соединяются самые различные места, как это в бодрствовании недопустимо, а если бы случилось, было бы

названо бессмыслицей. Во сне мы летаем под потолком комнаты, куда наяву никогда не попадаем, видим похороны на чердаке, чего наяву там никогда не видят, плаваем в лодке по суше. В пору, когда автор был много занят постройками, ему приснилось, что он с невероятной ловкостью пролетал между всеми балками лесов, возведенных перед домом, ни за что не задевая. И это причудливое сочетание вещных образов в пространственном представлении сновидения иным кажется изумительным совершенством сновидящей души, тогда как в действительности оно лишь искажение и карикатура ее в остальном разумного представления. Короче, при некотором размышлении убеждаешься, что пространственное представление во сне решительно уступает пространственному представлению в бодрствовании, за тем единственным исключением, что пространственные образы сновидения превосходят бодрствующие образы воспоминания ясностью и живостью, почти или вполне равняясь бодрствующим образам восприятия. По этой причине мы и во сне сохраняем перенесение образов восприятия вовне, представляем их в пространстве сновидения в определенных местах и на определенных расстояниях друг от друга и, *так как среди этих образов восприятия может встречаться и достаточно часто встречается и образ нашего собственного тела*, поддаемся обману, будто мы сами действительно находимся среди внешних вещей и в отдаленных местах.

Что же касается, с другой стороны, *сознания времени* во сне и в особенности утверждения, будто течение представлений и образов во сне гораздо стремительнее, чем в бодрствовании, то здесь необходимо различать следующее.

Прежде всего можно — так же как этот вопрос ставится и относительно бодрствующих представлений — спросить о величине объективного времени, протекающего во время представления в сновидении, то есть о числе последовательных смен, в которых выступают представления. Хотят знать, как быстро один образ сновидения поднимается в сознание вслед за другим, или сколько таких образов следует друг за другом в единицу времени. Для бодрствующего сознания на этот вопрос можно приблизительно ответить опытами, если ограничить его намеренным и произвольным представлением. Так, например, можно установить, что при чтении в таком темпе, при котором еще наступает отчетливое понимание прочитанного, человек без труда пробегает три-четыре словесных образа в секунду, то есть 180–240 слов в минуту, тогда как это число, едва только понимание отпадает и дело сводится лишь к представлению письменных знаков, возрастает настолько, что в минуту без труда можно представить несколько тысяч образов букв и, следовательно, промежуток времени между каждыми двумя из них очень мал. Число последовательных смен наших представлений, или скорость нашего представления *без* намерения и произвола, которые дают толчок, — то есть нашего обычного, предоставленного самому себе представления в бодрствовании, — несомненно, очень различно; оно в большинстве случаев зависит от скорости, с которой происходят объективные смены чувственных впечатлений или вообще внешних побуждений. И здесь еще важно различие, должны ли эти смены давать отчетливые и ясные или смутные и расплывчатые образы: сумма ясных и отчетливых представлений всегда будет меньше суммы неясных и неотчетливых представлений, которые могут сознательно протечь за ту же

единицу времени. Во всяком случае, эта сумма чрезвычайно велика, потому что число простых чувственных впечатлений уже в обычном, пространственно оформленном образе восприятия, единство которого может возникнуть лишь через последовательное схватывание всех впечатлений, неисчислимо велико. Если же отвлечься от принудительных влияний, которые более или менее быстрая смена чувственных впечатлений оказывает на последовательность представлений, а также от того обстоятельства, что эти впечатления могут быть намеренно определены внешними средствами, такими как письмо и тому подобное, то мера времени обычного, чисто внутреннего и без созерцания протекающего представления оказывается крайне изменчивой как у каждого отдельного человека, так и при сравнении многих людей. Пусть эта мера времени для каждого человека в среднем и постоянна в известных нормальных границах, все же она, несомненно, колеблется, то ускоряясь, то замедляясь, — отчасти от намерения, отчасти от известных душевных состояний, таких как радость или печаль, веселость или уныние, хорошее самочувствие или недомогание, отчасти от временно наступающих подъемов представляющей деятельности, как у поэтов и ораторов. И каждый может на себе испытать, что течение представлений в бодрствовании порой как будто даже совсем останавливается.

Как бы, однако, ни обстояло дело с этими величинами времени представления в бодрствовании, до сих пор ни теоретически, ни опытным путем достаточно не выясненными, ясно все же, что если об объективных величинах времени относительно последовательности представлений сновидения до сих пор и нельзя установить ничего достоверного, то они, наверное, дают меньшую скорость, чем бывает в бодрствовании. Во сне

отсутствуют все правильные, идущие из внешнего мира смены впечатлений, какие бодрствующая жизнь непрерывно предлагает с задающей меру скоростью. Отсутствуют и побуждения, которые вслед за этими впечатлениями, достаточно часто ускоряя ход представлений, возникают в нас в форме то чувств и аффектов, то волевых движений, интересов и других состояний стремления. Совершенно отсутствует и действие намерения, так как никто не может ни ускорить, ни замедлить течение своих представлений сновидения. Сновидение протекает либо, по-видимому, исключительно по законам ассоциации голых представлений или органических раздражений с такими представлениями, то есть так, что рефлексия и рассудок, эстетический вкус и нравственное суждение ничего тут не могут поделать. Либо же, если и делается попытка привести в действие рефлексию и волю, слишком отчетливо ощущаешь, что это действие не наступает и соответствующие представления сновидения, которые должны были бы двинуться дальше, неподвижно стоят на месте, — подобно тому, как бывает в бодрствовании, когда какая-нибудь мысль или группа мыслей неотступно и против воли нас занимает или побуждение к движению остается без успеха, потому что нет органической передачи. К этому добавляется, наконец, что сновидения, которые помнишь ясно и определенно, в среднем, по крайней мере по наблюдениям автора, состоят не из очень длинных рядов представлений, а ограничиваются сравнительно небольшим числом образов и мыслей, — с чем и читатель, быть может, скорее согласится, если пожелает принять во внимание, что сумма тех представлений, *которые бодрствующий употребляет на рассказ о сновидении, всякий раз больше*, чем сумма бывших образов сновидения.

При таком положении дел не приходится сомневаться, что когда восхваляют быстроту сновидения, то при этом не может иметься в виду объективное время представления в сновидении, а здесь, подобно тому как и при пространственном представлении во сне, замешан обман. Этот обман, с которым нередко встречаешься в разговорах о сновидениях, легко раскрыть. Положим, кого-нибудь толчок или шум наполовину разбудил, а затем он снова заснул. Теперь ему снится, что он совершает путешествие из Лейпцига через Берлин в Копенгаген и оттуда через Бремен в Швейцарию. Тут он совсем просыпается и замечает, что между первым полупробуждением и теперешним полным бодрствованием прошло около десяти минут. Таким образом, за десять минут ему приснился ряд происшествий, переживаний, действий, для которых в действительности, конечно, понадобилось бы несколько дней. Это-то, говорит иной, и доказывает, как мало душа во сне связана временем и как стремительна смена ее представлений и их скорость! Стоит, однако, лишь вдуматься, какому самообману здесь поддаешься. Каждый признает, что бывшее сновидение действительно длилось только десять минут; но точно так же и рассудок его должен признать, что если бы в эти десять минут речь шла не просто о последовательности представлений и образов, а о действительном отъезде и последовательном продолжении пути, то минут на это не хватило бы. Во сне же для последовательного осознания тех представлений и образов десяти минут оказалось достаточно. Но эти представления и образы были такого свойства, что по своему содержанию и по степени сознания почти или вполне равнялись действительным переживаниям, которые они представляли. Кто забывает различие между последовательными созерцаниями и переживаниями при

действительно поступательном движении, с одной стороны, и простыми представлениями и образами воспоминания — с другой, поскольку те и другие по содержанию и по форме сознания кажутся ему одинаковыми, тот переносит временную меру последовательности первых на последовательность вторых и удивляется, что все это во сне прошло так быстро. Да, этот обман может зайти так далеко, что возникает мнение, будто душа во время сновидения покинула свое тело и совершила то путешествие даже без него, но все же в чувственном пространстве. Итак, приведенное выше утверждение всегда проистекает лишь из ошибочного представления во время бодрствования, когда думают, будто во сне *события* следовали друг за другом с гораздо большей скоростью, чем это может происходить в действительности, тогда как это были лишь столь же живые представления и образы событий, которые, правда, протекали быстрее, чем те события и соответствующие им в действительности представления.

Если во сне вообще нет ни сознания всей его продолжительности, ни величины времени последовательности отдельных элементов, из которых сновидение состоит, то, с другой стороны, нельзя сомневаться, что *общее сознание временности вообще* сопровождает и сновидения, как только в них представляются движения или изменения, события или действия. Более того, есть много сновидений, в которых отчетливо осознаются даже известные различия временности, или, другими словами, в которых выступает *рефлектированное сознание времени*.

Под общим сознанием временности понимается то состояние представления, которое сопровождает фактическую, то есть объективную, последовательность наших представлений как хотя

и неотчетливое, но все же заметное знание этой последовательности. Сознание времени есть не что иное, как знание о последовательности наших представлений, или время психологически есть вообще знание об этой последовательности. По легко понятным причинам это знание переносится на знаемое, то есть представленное в последовательности становится для нас *временным*, или ему присуща *временность*. В бодрствовании мы исполняем свои профессиональные дела и другие действия, такие как еда, питье, ходьба и стояние, разговор, письмо и чтение и так далее, не всегда доводя до сознания *необходимое для этого время*. Если мы хотим знать время в таком случае, мы смотрим на часы, по которым считываем число совершившихся тем временем последовательных смен по равномерно продолжающемуся движению. Но все же, хотя мы обычно и *не* знаем, *сколько времени* прошло, все эти действия сопровождает *сознание временности*, определенное чувство, что при этом протекает время, то есть неясное знание того, что эти действия, или, что то же самое, их представления, следуют друг за другом. Этот род сознания времени возникает уже и *во время сновидения* относительно последовательно выступающих элементов сновидения. Мы убеждаемся в этом отчасти благодаря живому припоминанию того, как вели себя наши представления во время сновидения, отчасти благодаря тому, что воспоминание о сновидении после пробуждения тотчас разлагается в ряд последовательных представлений, при котором в отдельных случаях можно заметить переход неопределенного и неясного сознания времени во сне в более определенное и ясное сознание времени теперь уже наяву происходящего возобновления последовательно бывших представлений сновидения. То же следует, однако, и из того

обстоятельства, что в сознании сновидения встречается даже рефлектированное сознание времени.

Под рефлектированным сознанием времени здесь следует разуметь то состояние представления, в котором общее и неясное сознание времени принимает определенность, то есть сознательно представляются различия между *раньше и позже, прошлым, настоящим и будущим, в тот или иной час, в тот или иной день* и прочее. Высшая определенность рефлектированного сознания времени заключалась бы, стало быть, в наличии сознательного представления точно измеренной величины времени — поведение, которое во сне едва ли встречается. Те же другие названные различения встречаются и имеют для сознания сновидения, как и для бодрствующего сознания, то действие, что представленное или пережитое как временное получает определенное место среди другого, тоже представленного как временное, или вообще соотносится с другим временным. Именно это поведение сознания сновидения и дает тот результат, что события и действия, представленные во сне, которые уже по своему содержанию каждое в отдельности равняются действительному по ясности и отчетливости, теперь и в своей совокупности являются как действительные, связные переживания, то есть иллюзия действительности распространяется на все построение сновидения. Совершенно так же, как сновидящая душа, поскольку ей остается способность пространственной локализации своих образов, то есть поскольку и во сне сохраняется сознание пространства, полностью поддается иллюзии перемещения и воображает, будто действительно находится в отдаленной местности, так она вследствие сохранения сознания времени в известных границах

поддается и воображению, будто переживает представленное как действительное, временное событие.

Чтобы пояснить, в каком смысле сознание времени во сне сохраняется, автор не станет напоминать о таких сновидениях, которые переносят сновидящего в его юность или сопровождаются аффектами *ожидания* или *опасения* еще предстоящих событий или действий, а выберет несколько простых случаев из своего собрания сновидений. Так, однажды мне приснилось, что уже умерший тогда врач исследовал мой пульс и сообщил мне, держа при этом часы в руке, что при каждом пятом ударе начинается новый ритм, и отсчитал мне пять ударов пульса. Здесь, стало быть, отчетливо выступило сознание последовательности. В другой раз я увидел во сне старого, тоже уже умершего друга, который пригласил меня словами: «Надеюсь, вы придете завтра на кофе». Здесь, стало быть, выступило представление будущего времени. В недавнем сновидении я боязливо иду по темной улице и удивляюсь тому, что фонари еще не горят, хотя уже пять часов. Здесь, стало быть, выступило вполне определенное сознание времени. Точно так же несколько недель назад мне приснилось, что я шел вдоль ряда домов на Королевской площади в Лейпциге. Свернув за угол на соседнюю улицу, я заметил в своей руке обработанный камень, который принял за угловой кусок капители колонны. Идя дальше, я пришел к месту, где мостовая была разобрана и вырыта яма, рядом с которой лежало несколько обломков разбитых каменных колонн, и тут я сказал себе: «Это, верно, еще колонны от старого монастыря, который когда-то здесь стоял». В этом сновидении отчетливо осозналось представление прошедшего времени.

Вывод, который получается из сказанного, можно выразить в общем виде так: душа и в своих сновидениях сохраняет как

сознание пространства и пространственного, так и сознание времени и временного настолько, насколько эти формы представления могут развиться по чисто психическим законам внутри смены элементов сновидения, без того, однако, чтобы душа была в состоянии контролировать *употребление* этих форм представления.

ГЛАВА VI. ПОЧЕМУ СНОВИДЕНИЯ ЛЕГКО ЗАБЫВАЮТСЯ

✦

Если ограничить понятие сновидения теми образованиями и событиями, которые во сне с известной степенью ясности доходят до сознания души, то факт, что сновидения вообще *легко и быстро забываются*, имеет, конечно, в себе нечто странное. Забывчивость сновидений двоякая. С одной стороны, сновидения либо вовсе не переходят в бодрствующее сознание, либо оказывают последействие лишь настолько, что человек хоть и помнит, что ему что-то снилось, но о содержании сновидения ничего не знает; с другой стороны, они хотя и вступают полностью или в обрывках в бодрствующее сознание, но быстро снова теряются и тогда часто ни при каких обстоятельствах, даже величайшими усилиями воспоминания, не могут быть снова осознаны.

И для понимания этого факта следует держаться основного положения, что все явления сновидения и то, что связано с ними с психической стороны, прежде всего всегда должны сравниваться с фактами бодрствующего сознания. Явления сновидения для психологического понимания не представляют ничего исключительного и стоят не на иной основе, чем та, на которой стоят явления бодрствующего сознания. Поэтому для них должны иметь силу и те же условия и правила, какие обнаруживаются для сходных случаев бодрствующего сознания.

По опыту в бодрствовании тысячи ощущений и восприятий переживаются вполне сознательно, но в ближайшее время совершенно исчезают из сознания, потому что *сила и энергия*, с

которыми в них была возбуждена деятельность души, *имели слишком малую степень*. Мы впервые проходим мимо ряда домов, и глаз сознательно скользит по ним; но никто не в состоянии впоследствии вызвать в себе воспоминание о таких образах: мы знаем лишь, что видели дома. То же случается, когда мы ходим по улице среди множества незнакомых людей. Но как только образ дома или образ человека рассматривают подолгу или повторно, эти образы набирают силу, глубже, как говорят, запечатлеваются в душе, и их воспоминание удается.

Это обстоятельство, по-видимому, и для образов сновидения составляет одно из условий того, насколько они запоминаются. Образы сновидения точно так же во многих случаях новы и чужды; они более или менее сильны и живы и в сознании сновидения постепенно убывают по степеням, особенно там, где стоят поодиночке или занимают боковые части пространства сновидения. Тогда как более сильные образы помнишь, другие отыскать не удается. И по продолжительности восприятия не все образы сновидения ведут себя одинаково: некоторые стоят дольше, большинство быстро исчезает. Первые будут лучше поддаваться воспоминанию, чем последние. Одно сновидение недавно показало мне нескольких людей, образы которых все, кроме одного, быстро исчезли: оставшийся образ возрос до большой отчетливости и стал почти прозрачным, как освещенная восковая фигура. Вспомнить этот образ еще и теперь легко, тогда как от остальных ничего не осталось. Наконец, большинство построений сновидения мы переживаем лишь один-единственный раз и не можем повторить их ни в ту же ночь, ни в следующую; а если такое и бывает, то все же редко. Большинство сновидений утекает, как мелодия, которую слышит неопытное и

немузыкальное ухо и затем забывает. Чтобы память удержала ее, ее нужно было бы слышать снова и снова.

Впрочем, одной силы и живости образов сновидения еще недостаточно для того, чтобы они запомнились: и самые сильные из них могут быть снова забыты и, несомненно, достаточно часто действительно выпадают из воспоминания. И в бодрствовании многие сильные и живые ощущения и восприятия быстро теряются. Чтобы ощущения и восприятия, так же как представления и мысли, приобрели прочность и достаточную величину воспоминания и не были вскоре вытеснены другими, быть может, навсегда, требуется второе условие: они не должны оставаться обособленными, а должны вступать в связи и сочетания подходящего рода. Об этом уже кое-что было сказано выше по другому поводу. Как отдельный человек своей силой ничего или почти ничего заметного не может сделать против большого груза, а вместе с другими и при взаимной поддержке производит ощутимое действие, так обстоит дело и с ощущениями, восприятиями, представлениями и мыслями в отношении того, что они дают сознанию и воспоминанию. Для этого, правда, нужно, чтобы соединенные элементы и подходили друг к другу — были более или менее родственны между собой по свойствам и форме или находились друг с другом в отношениях и связях, — чтобы соединение было естественным и добровольным, а не вынужденным. Картина, которую ребенок по замыслу сложил из своих маленьких игрушек, вперемешку лежащих в коробке, запечатлевается в душе глубже и живее, чем каждая вещица сама по себе: воспоминание о целом становится властителем над отдельным, а отдельное как таковое хранится в памяти лишь вспомогательным воспоминанием. Картина же всех отдельных вещиц, лежащих вперемешку, вовсе не удерживается. Небольшое

стихотворение состоит из немногих строк и едва ли сотни слов. Если разложить его на эти слова и перетряхнуть их, то не только исчезнет весь смысл и толк стихотворения, но и будет очень трудно запомнить слова в этом спутанном порядке, и лишь многократное повторение даст уверенность в памяти. В стройном же порядке и в последовательности, отвечающей делу, одно слово помогает другому, и осмысленное целое легко и надолго закрепляется в воспоминании. Бессмысленное мы удерживаем в общем так же трудно и так же редко, как спутанное и беспорядочное.

Есть, конечно, и сновидения, которым не недостает ни разумности, ни порядка; но в подавляющем большинстве случаев им недостает того и другого. В большинстве сновидений душа вовсе не участвует как упорядочивающее и логическое начало: сновидения и их элементы приходят к ней *непроизвольно, и она не знает как*; их навязывают ей бессознательно действующие поводы воспроизведения, которые вызывают последовательность и связь элементов по иным условиям, нежели те, что принадлежат бодрствующему сознанию и им одобрены. Что при этом физиологические влияния, неизвестные раздражения и возмущения, исходящие от тела, действуют на бессознательное содержание души и относятся к нему примерно так, как если бы по клавишам инструмента пробегали десять пальцев человека, совершенно несведущего в музыке, — в этом не может быть сомнения, но здесь это в расчет не входит. Нельзя также, согласно отстаиваемому здесь взгляду, думать, будто несообразными, беспорядочными связями, скачками последовательностей и все же существующим при этом для сознания сновидения порядком самих по себе совершенно безразличных элементов сновидения память или способность воспоминания пробуждающейся души

упраздняется или как бы отчасти расходуется в сновидении и через него. Как раз наоборот: сами построения сновидения как таковые и сами по себе лишены возможности собственной памяти или собственного воспоминания и забываются потому, что большей частью распадаются уже в ближайшие мгновения.

Если, таким образом, и здесь кроется возможное действительное основание забывчивости многих сновидений, то к нему присоединяется теперь третье обстоятельство, действующее еще сильнее.

Очевидно, забывчивость сновидений для бодрствующего сознания есть обратный случай рассмотренного выше факта, что из содержания бодрствующего сознания в сновидение переходит лишь отдельное, но никогда — упорядоченные ряды воспоминаний. Следовательно, те же причины, которые преграждают воспоминанию путь из бодрствования в сновидение, должны мешать и обратному течению воспоминания из сновидения в бодрствование. Величина воспоминания составных частей нашего бодрствующего сознания особенно зависит от того, что отдельное лежит в упорядоченных связях с прежним или одновременным в тех рядах пространства и времени, к которым оно принадлежит. В бодрствующем сознании мы не переживаем ничего, что тотчас же не включалось бы в пережитое прежде; для всякого нового в нас готово общество, к которому оно принадлежит и которым оно оценивается и понимается. Обратным действием этого общества оно облекается сферой сознания, гораздо большей, чем та, какая когда-либо может быть у обособленного комплекса восприятий или представлений. Сколько раз мы можем отступить назад от какого-нибудь восприятия, какого-нибудь переживания или как бы шагнуть в сторону, в принадлежащие к нему области, столько же

раз мы находим для этого восприятия или переживания, которое, может быть, случилось некоторое время назад и притом в далеком месте, пригодные пособия для воспоминания в составных частях тех областей. Эти пособия — таков был высказанный выше взгляд — оторваны от образов сновидения, и потому через эти образы и среди них никакое воспоминание из бодрствующего сознания в сновидении состояться не может. Следовательно, в обратную сторону надо заключить, что построению сновидения большей частью вовсе нет места в обществах душевных рядов, которыми наполнена бодрствующая душа и из которых она, бодрствуя, возобновляет свое воспоминание. Хотя по своему материалу оно и тождественно с ними, по своим формам и связям оно слишком далеко отходит от того, что в установленных рядах пространства и времени нашей жизни и повседневного опыта накопилось для бодрствующего сознания. Даже если сновидение как таковое разумно и упорядочено, мы все же не можем выйти из него — и меньше всего или вовсе не можем, пока оно длится, — и даже при пробуждении и после него ни с какого места не знаем входа, чтобы вновь его найти. Так образование сновидения как бы отделяется от почвы содержания нашей души и парит в душевном пространстве, словно облако в небе, которое быстро развеивает вновь оживившееся дыхание. Если же при пробуждении некоторые элементы сновидения и остаются и предстают сознательному восприятию, то нужно спешить быстро схватить принадлежащие к ним звенья, не думая ни о какой составной части бодрствующего сознания, а целиком отдаваясь непроизвольному воспроизведению. Даже если таким образом и приведешь сновидение в сознание, его способность сохраняться в воспоминании все же большей частью вскоре снова утрачивается,

кроме тех случаев, когда его закрепляет какой-нибудь посторонний интерес или искусственно созданная связь с составными частями бодрствующего сознания. Если же нет ни этих, ни других обстоятельств, обеспечивающих более долгую сохранность, то даже сновидение, записанное во всех подробностях, через короткое время становится для нас чем-то совсем чужим, чем-то, чего мы никогда не переживали.

Очень многое в действии этого отношения между сновидением и бессознательно продолжающимся содержанием души бодрствующего сознания зависит, с одной стороны, от глубины сна, то есть от того, ближе или дальше спящий от возбудимости нормальной душевной деятельности, с другой — от того, насколько сновидение вторгается в содержание души, то есть насколько оно вовлекает его в участие в своем построении через чувства удовольствия и неудовольствия, вожделения, аффекты и тому подобное. Сновидения, близкие ко времени пробуждения или увиденные в полубодрствующей дремоте, лучше сохраняются в воспоминании. Можно было бы даже думать, что вообще лишь те сновидения, при которых врата бодрствующего сознания уже начинают открываться, действуют на него или им усваиваются. Точно так же доступнее воспоминанию должны быть сновидения, которые не просто проплывают мимо, как летучие туманы, а мощно воздействуют на содержание души, во многом вовлекают его в свое построение, глубоко волнуют и потрясают его, подражают действительности жизни то в веселых и комических, то в мрачных и трагических сценах, ставят себе на службу даже волю и деятельность мышления. Конечно, здесь благоприятствуют или препятствуют еще многие индивидуальные различия, и нет признака, по которому можно

было бы безусловно судить, дойдет ли сновидение до воспоминания бодрствующего сознания или нет.

Это следует и из четвертого обстоятельства, которое тоже нужно принять во внимание в вопросе о причине забывчивости сновидений.

В бодрствующем сознании, как известно, смена сознаваемого и несознаваемого очень часто наступает оттого, что за нынешними ощущениями, восприятиями, представлениями и мыслями следуют другие, которые силой своего впечатления отчасти или совсем гасят первые. В реве ветра мы не слышим своего голоса, и всякий звук может быть заглушен более сильным. Свет упраздняется светом, вкус — вкусом, боль — болью, и сильный испуг прогоняет все представления, так же как восторженная радость лишает самообладания. Если перенести это отношение на образы сновидения в сравнении, с одной стороны, с действительными восприятиями, а с другой — с представлениями и мыслями, которые в течение дня наполняют бодрствующее сознание с живой силой, то не может быть сомнения, на чьей стороне слабость и на чьей сила. Могут ли какие-нибудь элементы сновидения вполне сравняться с восприятиями и представлениями бодрствования и даже, как думают некоторые, превзойти их, — дела это не меняет. Обычно вновь наступающая при пробуждении деятельность чувств — глаза, уха, кожи, — а также обновленное чувство тела служат источником более сильных ощущений и восприятий, чем те, что бывают в сновидении. Образ окружающего внешнего мира большей частью быстро и мощно возвращается в настоящее сознания и наполняет его пространство всей ясностью свежего нового переживания. Кажется несомненным, что перед этой силой устоят лишь очень немногие образования сновидения: им придется отступить, как

ночь перед дневным светом, или блеск звезд перед светом восходящего солнца, или как звук перед более сильным шумом, — только еще намного быстрее. Это действие мощного возобновления образа окружения и собственного чувства тела еще значительно усиливается тем, что и ряды представлений, стремления и намерения, образы действий, составляющих наши привычные дневные дела, тоже не заставляют себя ждать, особенно если человек унес с собой в сон живое сознание долга или какой-либо необходимости. Поэтому в этом отношении между содержанием сознания сновидения и быстро возвращающимся содержанием бодрствующей жизни не без основания можно было бы видеть тоже часто действующую причину того, что многие сновидения остаются без воспоминания, то есть либо вовсе не воспринимаются пробуждающимся «я», либо быстро забываются. Но так как действие этого отношения существенно связано и с величинами времени, то, разумеется, надо принимать в расчет и их различия.

Наконец, нельзя не упомянуть еще пятое обстоятельство, из-за которого многие сновидения, может быть, не достигают достаточной величины воспоминания и которое, по-видимому, сильнее всего действует у тех лиц, что утверждают, будто вовсе не видят снов или видят их крайне редко.

Есть ведь люди, которые не придают сновидениям никакого значения. Их внимание преимущественно или исключительно отдано событиям и делам дня, служебным обязанностям, научным занятиям и другим интересам, и они не находят никакого повода замечать то, что происходит во сне, так как для них это нечто пустое и не имеющее цены. Их рассудок, когда им однажды припоминается сновидение, отталкивается от него, как от уродливого искажения разумного бытия, — и это чувство еще

усиливается тем, что они большей частью противятся всякому значению, которое приписывают миру сновидений и которое сами они называют суеверием или заблуждением. Другие, напротив, особенно интересуются явлениями мира сновидений, и их внимание как бы уже днем работает в направлении грядущей ночи, полное ожидания, что нового она принесет. Причины такого высокого уважения к сновидениям очень различны, но встречаются во всех слоях общества. Сильнее всего оно там, где господствует вера, что явления сновидения имеют пророческое значение для истории бодрствующей жизни, или где такое предположение служит хотя бы для того времяпрепровождения и развлечения, которое находят в истолковании и толковании сновидений.

Едва ли возможно, чтобы воспоминание о сновидениях у этих двух только что противопоставленных друг другу разрядов людей было одинаковым при столь различном душевном отношении к сновидениям: люди первого разряда будут лишь изредка что-нибудь знать о своих сновидениях, тогда как принадлежащим ко второму разряду, вероятно, почти о каждой ночи есть что рассказать. Причина понятна. Уже прежде напоминалось, что душевная деятельность сознательного бодрствования во сне бессознательно продолжается; напряжение и внимание, обращенные к миру сновидений, в одном случае почти совсем отсутствуют, в другом же обладают неослабевающей силой, во всякое мгновение готовой ухватить элементы сновидения; душа в одном случае склонна к сновидению, в другом — от него отвращена. Опыт, по-видимому, подтверждает значительную действенность этого отношения, и я, со своей стороны, склонен думать, что забывчивость сновидений в большинстве случаев обусловлена тем, придают ли сновидениям и воспоминанию о них

цену или нет, и что именно по этой причине одни люди мало или вовсе ничего не знают о сновидениях, а другие знают о них очень много.[12]

Если свести воедино все сказанное до сих пор, то выводы можно выразить в следующих положениях.

Забывчивость сновидений, то есть тот факт, что многие сновидения либо вовсе не осознаются при пробуждении, либо, будучи вспомнены, легко снова исчезают из памяти, имеет свое основание

> отчасти в недостатке надлежащей силы отдельных элементов сновидения, отчасти в недостатке внутренней прочности и взаимной поддержки элементов сновидения между собой, отчего они быстро распадаются, отчасти в бессвязности многих сновидений с привычными формами бодрствующего сознания и в обусловленной этим обособленности, которая исключает обычные пособия для воспоминания, отчасти в том, что вновь возбужденная деятельность чувств, вновь пробуждающийся мир восприятий и возвращение нормального сознания легко и быстро покрывают мир сновидений, как дневной свет прогоняет темноту, наконец, в том, что многие люди не придают сновидению никакой цены и внимание их души отвращено от сновидений.

Согласно этому, примечательнее всего не забывчивость сновидений, а то обстоятельство, что они могут сохраняться в воспоминании. Явления сновидения и в этом отношении составляют противоположность явлениям бодрствующего сознания, у которых вопрос, почему они забываются, важнее и труднее вопроса, почему они удерживаются.

ГЛАВА VII. ПРОИСХОЖДЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ

✦

Сновидение — не что-то, что изначально и само по себе возникает в душе совершенно заново, не нечто обособленное и происходящее из обособленного источника. Оно не отделено от содержания бодрствующего сознания разрывом, через который душе пришлось бы перескакивать в иную область или через который в нее врывалась бы чуждая сила. Между сновидением и бодрствующим сознанием есть непрерывность и связь. Место, объединяющее их, лежит в бессознательных действиях и состояниях души, в которые ее перенес сон. Как из них постепенно или при известных условиях и быстро снова возникает бодрствующее сознание, так из них же складывается и сновидение. Бурдах говорит кратко и верно: *продолжающаяся во сне деятельность души проявляется как сновидение*.

Говорить о происхождении сновидения — значит, следовательно, не объяснять, как сновидение, словно нечто готовое и чуждое, разом входит в душу, а *отыскивать условия и поводы, при которых душа из состояний и деятельностей, хотя и задержанных для бодрствующего сознания, но как таковые все еще пребывающих в ней и действующих или способных действовать, приходит к таким промежуточным формам между ясным сознанием и полной бессознательностью, какие представляет собой сознание сновидения*.

Далее, задачу нужно надлежащим образом ограничить. Формы сознания сновидения, то есть сами сновидения, различаются не только по своей психологической ценности, но и весьма

неодинаковы в отношении тех точек приложения, через которые можно было бы прийти к их условиям. Многие образования сновидений — пока еще загадки, для разгадки которых недостает средств. Достижимое ограничивается несколькими группами, да и для них остается неполным. Можно по преимуществу лишь по аналогии со сходными случаями бодрствующего сознания переносить лежащее в их основе правило на явление сновидения, а все прочее состоит лишь в том, чтобы найти руководящие точки зрения, по которым, возможно, удастся разложить сновидение на его элементы и свести их сочетания к подходящим поводам.

При таких обстоятельствах ни в малейшей мере не может быть намерения распространить задачу на все сновидения. Правильнее ограничиться простейшими случаями, для которых достижима некоторая ясность понимания, чем в блуждающих рассуждениях силиться объяснить такие сновидения, происхождение которых фактически еще не может быть сведено к своим условиям и поводам. Благодаря этому образованный читатель, который до сих пор, быть может, не обращал внимания на происхождение даже этих простейших случаев, получит по крайней мере представление о том пути, которым вообще надлежит идти при разработке этого предмета. Этим и оправдано, что дальнейшее изложение ставит вопрос об условиях лишь для самой элементарной формы сновидения — так называемого *сновидения от нервного раздражения*.

Мы исходим из определенного факта бодрствующего сознания и затем пользуемся отношениями, которые в нем видны, по аналогии как поводами к возникновению соответствующей группы сновидений.

Всякий элемент ощущения, всякий звук, всякий шум, всякий цвет, всякое осязательное чувство в ходе опыта и благодаря ему

получили свое определенное место в пространстве восприятия. Кроме того, каждый из них вступил в тесную постоянную связь отчасти с вполне определенными представлениями формы, отчасти с другими ощущениями, с которыми он составляет одно целое и образует хорошо связанное единство. При таких обстоятельствах каждый человек в пределах своего круга опыта приобрел известную уверенность в том, чтобы быстро разобраться в каждом вновь поступающем элементе ощущения: звук, который он слышит, принадлежит либо человеку, либо собаке, либо колоколу, либо скрипке, то есть связан с определенным зрительным восприятием. Точно так же и всякое другое ощущение попадает в определенное сочетание, в котором находит свое место и свое понимание. Но это относится не только к ощущениям как таковым и к тем образованиям, которые из них возникли и которые мы называем вещами и существами вне нас; эти образования, в свою очередь, становятся носителями и ядрами для разных других переживаний, в которые душа опять-таки попадает вследствие опыта. Человек, собака, колокол и скрипка — это не просто так-то и так-то оформленные вещи, издающие тот или иной звук и облеченные в такие-то и такие-то цвета; каждая из этих вещей лежит для нас в истории того, что мы с нею и через нее пережили, почувствовали, чего желали и чего достигли. Поскольку и эта духовная масса, выросшая из образования ощущения и отчасти приросшая к нему, тоже предлагает себя для присоединения и воспоминания, когда появляется какой-нибудь новый элемент ощущения, мы и в ней имеем второе средство разобраться в нем и достичь его понимания.

Если присмотреться к относящимся сюда совершенно обыденным, повседневным событиям и опытам, то окажется: хотя

только что намеченный душевный процесс происходит при бодрствовании всех чувств и при полном сознании души, для того чтобы он протекал нормально и отлагался в верных результатах, нужны уже многие условия; там же, где эти условия налицо лишь недостаточно, в этом процессе тотчас выступают всевозможные ошибки и отклонения от правильного. Всякий знает, что прежде всего для воспоминания или, говоря вообще, для возобновления и оживления в сознании прежнего представления нужно известное время. А поскольку новый элемент ощущения или новое восприятие, как было показано, принадлежит к очень многим и различным представлениям и, следовательно, дает повод к тому, что может наступить чрезвычайно много различных воспоминаний, через которые новое восприятие должно получить свою определенность и значение, то время, за которое душа извлекает из этих многих воспоминаний как раз действительно к нему принадлежащее и верное и приводит его в сознание, во всяком случае должно оказаться больше времени, за которое вообще выступает какая-нибудь произвольная составная часть из сферы воспоминаний. Как только, следовательно, нормальное время для воспроизведения соответствующей составной части не предоставлено, поведение души тем самым изменяется вдвойне. Во-первых, ее застает врасплох необычное и как бы совершающееся без ее ведома и воли возбуждение произвольного обрывка воспоминания — и это, возможно, выражается в ней как нарушение покоя, как аффект, — а во-вторых, новый элемент ощущения или новое восприятие соединится с ложным воспоминанием и потому само будет представлено ошибочно. Если кто-нибудь совершенно неожиданно хватает нас сзади за спину, возникает особое ощущение давления, соединенное с особым чувством, соответственно силе, форме и течению

прикосновения. Обычно и нормально это ощущение толкуется как человеческая рука, и притом рука живого человека. При этом само ощущение успокаивается, потому что нашло верное сочетание, вполне согласное со всеми прочими восприятиями и воспоминаниями. Но для этого нормального толкования нужно время, в течение которого многие другие, тоже возможные толкования отбрасываются или отклоняются, а верному отдается предпочтение. Если этого времени по какой-либо причине тому, кого коснулись, не дано, то новое ощущение давления хотя и вызывает и должно вызвать воспоминание, но не верное: человек испугается и представит себе, например, животное, прыгнувшее ему на спину, или что-нибудь другое, что как раз ближе всего лежит к представлению.

Но для того чтобы наступило воспоминание, то есть соединение ощущения с принадлежащим ему комплексом представлений, в котором оно обязано своим местом именно определенной величине, нужно не только время, но и надлежащая сила вместе с надлежащей длительностью ощущения. Где эта величина колеблется, ощущение тоже толкуется ложно. Точно так же в особенности форма и очертание зрительных образов требуют, чтобы их верно истолковали, и надлежащей степени отчетливости, определенности и различимости; где этого нет, толкующая пространственная фантазия беспомощно блуждает среди всевозможных образов и порождает ошибку и обман. Так бывает не только в сумерках или при непрерывных неуловимых изменениях и переходах в облаках или в массе дыма или тумана, из которой мы заставляем возникать всевозможные лица, пейзажи или иные фигуры, но и всюду, где предметы посылают нам свои впечатления с большого расстояния. Если кто-нибудь гуляет в открытом поле и неотчетливо замечает далекий предмет,

может случиться, что сначала он примет его за лошадь. Но по мере того как восприятие длится, это представление вскоре сменяется представлением коровы, отдыхающей там. Однако и это представление должно уступить, так как восприятие дает повод к тому, что оно вдруг с определенностью распадается на несколько представлений людей, усевшихся в поле группой. Неопределенное восприятие послужило, следовательно, в этом случае вызову представлений *лошадь, корова, человек* и могло бы, пожалуй, еще продлить ряд своих воспроизведений. Примеры из других областей ощущения каждый читатель найдет сам.

Если взять этот процесс в общем виде, можно сказать: *всякий элемент ощущения или всякое восприятие, вызванное в душе извне, способно возбудить неопределенное число представлений, уже имеющихся в душе, и возвращает в сознание, смотря по условиям, то действительно ему соответствующее и принадлежащее, то какое-нибудь иное*. Если возвращенные представления согласуются с данными вещами и событиями восприятия, то есть если последнее принадлежит к комплексу воспроизведенных, то это называют *разумным* ощущением, восприятием и представлением; во всяком же ином случае, где в каком бы то ни было отношении в соединении обеих частей есть несоответствие, чуждое действительному положению дел в данном ощущении или восприятии, имеет место *иллюзорное* восприятие и представление.

Во *сне* же, как было показано, не только внутренняя деятельность души *не* задержана полностью, но и отнюдь не прекращается возбудимость ее представлений впечатлениями, которые действуют на нее извне.

Глаза, правда, закрыты и во сне становятся невосприимчивы к слабым световым впечатлениям; лишь более сильный свет

проник бы сквозь веки или сквозь не совсем сомкнутые щели между ними. Слух же остается и доступен всевозможным шумам и звукам. И нос пропускает выходящие и входящие токи воздуха, которые своим содержимым раздражают обонятельные нервы. Но особенно наружный кожный покров тела подвержен самым разнообразным воздействиям, которые вызывают в его нервах всевозможные чувства. Возможны колебания между ощущением холода и тепла на больших или меньших участках вследствие внешних различий температуры. Движения посторонних вещей или собственных соприкасающихся частей тела вызывают чувства прикосновения. Маленькое животное, например муха или комар, нападает и производит зуд или боль. Кроме того, во сне мы остаемся подвержены особенно действиям тяжести и давления: их следствиями бывают всевозможные ощущения давления и осязания, местные чувства онемения, неопределенных очертаний, растяжений и т. д.

Но не в меньшей мере то же самое бывает и со стороны всех тех раздражений, которые и во время сна возникают по разным поводам внутри собственной телесности, в разных местах периферического или центрального распространения нервов, и тоже преобразуются в восприятие души. Кровь, которая в своем непрерывном обращении проносится по телу, поддерживает в мельчайших частях всех образований превращение элементов и действует отчасти химически, отчасти механически — давлением и толчком. Расстройства в процессе питания, так же как застои, становятся причинами своеобразных раздражений и соответствующих ощущений. Всякое движение члена тела, растяжения и сокращения мышц производят то же действие. Ритмические движения сердца и легких вызывают внутренние распространяющиеся сотрясения жидких и твердых частей,

которые переходят в мозг отчасти через нервы чувств, например слуховой, отчасти через другие нервы ощущения. Какие-либо болезненные образования в коже или в других частях, такие как сыпи, нарывы, раны и тому подобное, становятся исходными точками разнообразных чувств и болезненных состояний. Отдельные нервы чувств, особенно зрения и слуха, и после прекращения внешних воздействий на них более или менее долго поддерживают в собственном веществе внутреннее возбуждение: в зрении это нагляднее всего видно по последовательным образам и по известным явлениям, которые замечаются перед засыпанием в темном поле зрения, а в слухе дает о себе знать в звуках и последовательностях звуков, часто долго звучащих отголоском. Но в особенности органы, поддерживающие процесс жизни, — сердце, легкие, желудок, печень, селезенка, почки и кишки — передают душе свою собственную внутреннюю жизнь или ее нарушения через принадлежащие им и идущие обратно к центральным частям нервные трубки — в чувствах, в потрясениях, полных аффекта, и в настроениях. Не меньше, или, вернее сказать, еще гораздо больше это относится к центральным частям нервной системы — спинному и головному мозгу, с которыми душа находится в ближайшей связи. Словом, душа во сне не только остается в непрерывной связи с внетелесным миром, но и служит воспринимающим, улавливающим очагом для самых разнообразных механических, химических, жизненных и животных раздражений, возникающих в пределах принадлежащего ей организма.

К этому присоединяется обстоятельство, которое нельзя упускать из виду. В бодрствующем состоянии, когда душа большей частью занята своей высшей жизнью представлений или действиями, вытекающими из круга ее желаний и волений, не

только, как сказано прежде, многие внешние впечатления проходят без длительного действия, но и общее чувство тела обычно доходит до сознания лишь как общее настроение. Лишь при болезненных расстройствах душа начинает обращать внимание на отражения телесных событий в своем собственном существе. Но уже прежде было подчеркнуто, что во сне выступает вперед как раз бессознательная сторона душевной жизни, а она-то и черпает из сферы названных отношений немалый материал. Отсюда следует, что и внешним, и внутренним раздражениям во сне надо признать значительное влияние, которое в бодрствующем состоянии отпадает. Душа во сне приходит к гораздо более глубокому и широкому сознанию ощущения своей телесности, чем в бодрствовании, и вынуждена принимать и испытывать на себе такие впечатления раздражений, которые происходят из частей и изменений ее тела, о которых в бодрствовании она ничего не знала.

Поскольку, следовательно, во сне даны те же условия, по которым раздражения в бодрствовании действуют на уже имеющийся круг представлений души и побуждают его к ответным действиям, через которые новым элементам ощущения уделяется их психическая ценность, их значение и их место в общем строе, то последнее по общим душевным законам должно относиться и к внешним и внутренним нервным раздражениям во время сна. Это будет тем более так, что во сне отпадает сознательное влияние логических правил или вообще общих форм представления, которыми в бодрствовании в конечном счете определяются и направляются связь и течение восприятий и представлений, и, следовательно, элементы ощущения и их связи могут распоряжаться тем свободнее.

Предположим, стало быть, что неопределенное восприятие из приведенного выше примера было бы комплексом ощущений, возникшим во сне от внутреннего раздражения в зрительном нерве или в мозгу; тогда ничто не мешало бы допустить, что и в душе должен был бы наступить тот же результат: душа по поводу внутреннего впечатления точно так же представила бы себе лошадь, корову и нескольких людей. Различие между событием во сне и событием в бодрствовании было бы даже выгодно для души: в бодрствовании внешнее раздражение через соответствующее ему неопределенное восприятие способно вызвать лишь *простые представления*, тогда как раздражение или впечатление во сне вместо представлений влечет за собой *действительные образы ощущения*. Ведь различие между бодрствованием и сном в отношении душевного ответа состоит в том, что душа во сне движется в *сознании ощущения*, а значит, в этом случае действительно *видела* бы лошадь, а также корову и нескольких людей, а не только представляла бы их.

Теперь вывод можно выразить в общем виде так: как только внешним или внутренним нервным раздражением во время сна в душе вызывается ощущение или комплекс ощущений, чувство, вообще какой-либо душевный процесс и душа его воспринимает, этот процесс вызывает из круга опыта, оставшегося у души от бодрствования, образы ощущения, то есть прежние восприятия, либо голые, либо с принадлежащими к ним психическими ценностями. Он как бы собирает вокруг себя большее или меньшее число таких образов, через которые впечатление, идущее от нервного раздражения, получает свою психическую ценность. Обычно и здесь говорят, как это делает словоупотребление для бодрствующего состояния, что душа во сне *толкует* впечатления нервного раздражения. Результат этого

толкования — так называемое *сновидение от нервного раздражения*, то есть сновидение, составные части которого обусловлены тем, что нервное раздражение по законам воспроизведения совершает свое психическое действие в душевной жизни.

Группа этих сновидений очень многочисленна, так как не только, как показано выше, существует много источников таких нервных раздражений, но и сфера толкования, из которой могут происходить отдельные образы сновидения, большей частью весьма обширна. Они происходят как от зрительных, слуховых, кожных и других раздражений чувств, так и от внутренних органических раздражений. Если в случаях первого рода круг опыта бодрствующего сознания предлагает материал воспроизведения известного свойства, то в отношении органических раздражений этого бывает меньше. Уже в бодрствовании душа, когда органическое раздражение исходит из неизвестного ей или лишь скудно знакомого места тела или когда общее чувство тела изменено в совсем непривычных формах, бывает вынуждена совершать всевозможные заместительные воспроизведения, то есть ошибаться в своих толкованиях, и большей частью довольствоваться неопределенными состояниями чувства или аффекта и часто относить их к самым отдаленным представлениям. Тем более того же нельзя избежать в состоянии сна, так как в нем до сознания души доходит иное впечатление из тела, которого она в бодрствующем состоянии никогда не испытывала или никогда не замечала. Поэтому и простые сновидения от нервного раздражения нетрудно распознать, пока раздражения остаются в одной сфере чувства и не принадлежат темной области органических возбуждений.

Сновидения от нервного раздражения начинаются по тем же законам воспроизведения, от которых зависят связи и течение представлений бодрствующего сознания, если не вмешивается высшая деятельность мышления. Однако какой из этих законов определяет сновидение, то есть по каким внутренним условиям душа толкует впечатление нервного раздражения так или иначе и почему к нему присоединяются как раз эти, а не иные образы, — не во всех случаях одинаково ясно. Различают, как известно, шесть таких законов воспроизведения, то есть правил, по которым одно духовное состояние — ощущение, восприятие, представление, или чувство, желание и т. д. — влечет за собой другое и по которым, следовательно, направляется непроизвольное течение представлений. Душевные состояния следуют друг за другом *либо по сходству* — по закону очень большого объема, так как совпадающие черты в душевной жизни развиваются невероятно тонко и потому порой приводят в связь самое далекое и, по-видимому, самое несходное. *Или по контрасту*, который действует уже в меньшем объеме. *Или по сосуществованию* — по закону, который состоит в том, что все восприятия или представления, когда-либо бывшие в сознании почти одновременно или относящиеся друг к другу как части одного общего представления, возвращают одно другое в сознание. Это правило в очень широкой мере господствует над течением представлений, так как большинство наших зрительных восприятий, все пространственные представления, а также образы осязания и давления уже сами по себе очень сложны и сверх того соединяются в одно целое с другими ощущениями и с состояниями чувства и желания. *Или по последовательности* — по закону, который гласит, что ощущения, восприятия и представления пробуждают друг друга в том же порядке, в каком

они некогда следовали друг за другом в сознании и были между собой связаны. По этому правилу следуют друг за другом звуки мелодии, слова стихотворения, названия дней и месяцев, словом, члены всех рядов представлений, сложившихся во временные ряды, — регулярно повторяющиеся дневные дела не меньше, чем вся история нашей жизни. *Или по отношению между средством и целью*, то есть по правилу, согласно которому представление желания возвращает в ту область своего опыта, из которой рождается воспоминание об удовлетворении. *Или, наконец, по связи между причиной и действием*, по правилу причинности, согласно которому всякое восприятие, как и всякая вещь, всякое представление, как и всякое событие, указывает на одновременную или более раннюю другую вещь, или восприятие, или событие, или представление, из которых последующее возникло, вообще произошло. Все эти правила лежат в основе не только первых завязок сновидения, но и их продолжений, и читателю нетрудно будет узнать в приводимых далее случаях правило воспроизведения, определившее образование сновидения.

Мы хотим сначала в общем виде показать природу сновидений от нервного раздражения, не делая различия, внешнее раздражение или внутреннее, происходит ли оно в органе чувства или это какое-либо иное органическое раздражение. К ним принадлежат сновидения, в которых воспринимаются отдельные люди, лица, животные, растения, места или фигуры необычайного вида и т. д. Далее, если ветер, с шумом проносящийся у окон или вокруг дома, возбуждает душу, может возникнуть сновидение, будто поднимается ураган, распахивающий окна; или если идет дождь, может присниться, что поток воды заливает улицы. Тому, кто спит у водосброса мельницы, снится отдаленный раскатистый

гром пушек, который его пугает. Слышимые шумы, далее, вкладываются как голоса или речи в уста знакомых или незнакомых лиц или же толкуются как пугающие призрачные существа, образ которых появляется. В других случаях слуховое восприятие, соответственно своему своеобразно отмеченному содержанию — был ли шум скрипом, свистом, треском и т. д., — вызывает фигуры таких ремесленников, как токари, слесари, кузнецы, от которых тогда и исходят шумы в сновидении. Пуркинье часто видел сны вследствие восприятия ударов своих часов с маятником; он слышал в них однажды отрывистый лай собаки, другой раз удары топора, а в иных случаях слова и крики. При восприятиях запаха и вкуса — последние могут возникать во сне от изменений слюны или мелких остатков пищи — действительный запах или вкус в сновидении приписывается плоду или жидкости: так, недавно одна дама из нашего общества в своем садовом домике расхваливала мне ликер, который я понюхал и в живейшей степени ощутил на вкус как крепкий и кислый. Впечатления запаха цветов или душистых веществ в спальне порождают сновидения об оранжереях, цветниках и пейзажах. Особенно многочисленны примеры в области кожного чувства и в особенности чувства давления и осязания. Боль, смотря по тому, доходит ли она до восприятия лишь слабо или сильнее, вызывает пугающие либо отбивающиеся и убегающие фигуры и действия и легко воплощается в образах сновидения — в животных или людях, которые нас кусают, колют или бьют. Высунутая из постели и озябшая нога становится поводом к прогулке босиком по снежному полю; открытая, озябшая грудь переносит нас к водному потоку, в котором мы плывем, а одному человеку, коснувшемуся ногами горячей грелки, приснилось, что он поднимается на Этну и идет по горячей лаве. Другой

рассказывает, что ему однажды приснилось, будто на него напали разбойники, положили его навзничь на землю и вбили между большим и соседним пальцем его ноги кол в землю; проснувшись, он нашел у себя между пальцами соломинку. Щекотка на верхней губе заставляет во сне вырасти усы. Давление на ноги недавно вызвало у меня самого сновидение, будто на кровать вскочило животное и удобно свернулось в одеяле — сначала кошкой, потом маленькой собакой; с огромным усилием я оттолкнул докучливое животное и не мог не рассмеяться, когда, проснувшись, понял, что это было. «Если мы лежим неудобно на спине или на боку, если в простыне образовалась складка, производящая местное давление, нам кажется, будто мы несем груз на врезающемся ремне. Если рука от давления на нервы пришла в состояние, подобное параличу, она является во сне как чужое тело, которое неприятно нас касается, или снится человек, который хочет совершить над нами насилие. Если же подобное параличу состояние охватило весь бок, нам кажется, будто рядом с нами лежит чужой, которого мы напрасно стараемся удалить из непосредственной близости» (Пуркинье). Раздражение жажды ведет воспроизведение один раз в раскаленную песчаную пустыню, другой раз — на пир, где пьют полными глотками. Раздражение маленького прыщика от жары на бедре превращается в канарейку, которая кусает острым клювом, а укус комара — в стайку уток, которые плавают на пруду и хватают бабочек, ловя и поедая их. Впечатления, идущие от богатого нервами органа, так как обычно они мало могут примкнуть к материалу опыта души, используются для еще более свободных толкований. Приятные ощущения вызывают образы веселых сцен, сердечные расстройства — сновидения о пугающих обстоятельствах, например об опасности утонуть, о преследовании диким зверем или об удушье в дыму и пламени.

Все эти случаи, число которых легко было бы умножить и которые заимствованы отчасти из собственного опыта, отчасти из описаний сведущих наблюдателей и исследователей сновидений, ясно показывают природу сновидения от нервного раздражения, а также верность основной мысли.

Последовательно пришли к тому, чтобы исследовать происхождение сновидений от нервного раздражения опытным путем, и было бы важно, если бы эти опыты продолжались в большом числе и методически. У нас, к сожалению, есть лишь немного таких сообщений; но в качестве образца не следует оставлять без упоминания то, что опубликовал в этом направлении А. Мори. Он поручил одному человеку воздействовать на него внешними раздражениями тотчас после засыпания и через некоторое время будить его. Первый опыт состоял в том, что ему пером поочередно щекотали губы и кончик носа. Ему приснилось, что на лицо ему наложили смоляную маску, которую затем с силой сорвали. При втором опыте, когда ему дали понюхать одеколон, был вызван образ парфюмерной лавки. Третьим опытом, при котором возле его уха приводили в дрожание щипцы, натирая их стальным бруском, было вызвано сновидение о колокольном звоне, который вскоре превратился в набат и тем перенес спящего в июньские дни 1848 года. Всего рассказано девять таких наблюдений.[13]

Весьма примечательно одно наблюдение Шернера, которое он считает возможным расширить до правила для большинства сновидений от нервного раздражения.[14] Этот наблюдатель сновидений утверждает, а именно, что душа в сновидениях от нервного раздражения стремится символически воспроизвести в образах сновидения пространственное строение органов и частей тела, из которых исходят раздражения или через которые они

проходят, а также их отправления. Пусть это и не так общеверно, как он это высказывает, все же многие случаи доказывают, что сновидение от нервного раздражения там, где соответствующий орган известен как таковой или по своему отправлению, действительно имеет склонность «в начале рисовать самыми далекими и вольными намеками на предмет раздражения, в конце же выставлять соответствующий орган раздражения или его отправление в наготе». Примерами и доказательствами этого могут служить, в частности, сновидение от раздражения при вытягивании, сновидение от зубного раздражения и сновидение от раздражения легких, к формам которых принадлежат известные сновидения *о падении с высоты*, *о выпадении зубов* и *о полете по воздуху*. Первое сновидение, которое часто бывает при засыпании и вызывает повторное пробуждение, имеет свой повод в том, что, когда кожное чувство давления, идущее от поддерживающей подстилки, уже стало бессознательным, либо рука соскальзывает с тела, либо подтянутое колено непроизвольно вытягивается, отчего в обоих случаях чувство кожного давления внезапно снова становится сознательным, а переход к осознанию душевно воплощается в сновидении о падении. Быстрота, с которой образ сновидения толкует душевное состояние, соответствует механическому и физиологическому процессу, почему это образование сновидения как бы в самом своем возникновении и кончается. *Полет во сне* — это соответствующий образ полета, которым душа толкует дошедшее до восприятия количество раздражения, идущее от поднимающихся и опускающихся при дыхании долей легких; при этом чувство давления, связанное с опорой тела, или вообще все кожное чувство тоже уже опустилось до бессознательности. Этим последним обстоятельством и передается ощущение, связанное с

формой представления парения. Шернер уделил этой форме сновидения много внимания и разобрал ее до подробностей, не приняв, однако, во внимание момента, тоже решающего, — а именно угасания сознания чувства давления. Если бы этот момент не был тоже решающим, полет во сне должен был бы случаться гораздо чаще, чем бывает. Случай, который он приводит в подтверждение указанной им причины этого сновидения и который пережил сам, стоит сообщить. Ему однажды приснилось, что после довольно долгих перелетов во время прогулки во сне он хотел под конец перелететь еще через Одер, но этому помешал появившийся образ сильного кашля с кровавой мокротой (при полном здоровье) вследствие напряженного полета. «Теперь я знал, — добавляет он, — что легкое есть возбуждающий момент полета, и это открытие так меня обрадовало, что я от этого тотчас проснулся и, сравнивая все моменты полета во сне с моментами дыхания, с удовольствием нашел подтверждение».

Сказанного может быть довольно, чтобы дать направление наблюдению первой и простейшей группы сновидений — сновидений от нервного раздражения — в отношении их поводов и их душевного толкования, в котором и состоит сновидение. Понимание прочих форм сновидения будет, естественно, тем труднее, чем глубже закон их образования уходит в содержание и формы бодрствующего сознания — то нарушая их, то ставя себе на службу, — и чем больше условий совместно действуют при возникновении сновидения. Все же можно ожидать, что, как только наука станет чаще браться за жизнь души в сновидениях, тем вероятнее и ее темнота постепенно прояснится.

ПРИМЕЧАНИЯ

✦

1) С высказанным выше взглядом на душевную жизнь отчасти согласен и Лейбниц. Лейбниц тоже допускает в душе постоянное представление — то как ощущение и перцепцию (sentiment, perception), то есть как *бессознательное* ощущение и представление, то как апперцепцию (apperception), или *сознательное* представление. Это он выражает положением: «душа мыслит всегда». Новейшие психологи не склонны употреблять для поведения души в *бессознательных состояниях* слово *представлять* или *мыслить*, как и выражение *бессознательное* ощущение или представление не годится или по крайней мере нуждается в более точном объяснении. По Лейбницу, душа и во время сна, *даже когда она не видит сновидений*, имеет малые действительные ощущения, постепенным усилением которых совершается пробуждение. То же самое происходит днем в бодрствовании, когда все предметы окружения производят на душу впечатления, то есть возбуждают малые представления, которые, однако, слишком слабы, чтобы быть замеченными. Поэтому и во время бодрствования мы с этой стороны пребываем во сне. К действию малых бессознательных и незаметных представлений Лейбниц сводит большую часть наших поступков, привычек и склонностей. Он первый с ясным пониманием дела указал на значение бессознательной душевной жизни для телесного и духовного хозяйства человека в сознательном состоянии. Он говорит: «Все впечатления оказывают свое действие, но не все действия всегда заметны;

когда я поворачиваюсь скорее в одну сторону, чем в другую, это очень часто происходит от цепи малых впечатлений, которых я не замечаю и которые делают одно движение немного труднее другого. Все наши необдуманные поступки — следствия стечения малых восприятий, и даже наши обычаи и страсти, имеющие такое влияние на наши решения, происходят оттуда же: ибо эти привычки рождаются мало-помалу, и, следовательно, без малых восприятий мы не пришли бы к этим заметным расположениям. Я уже заметил, что тот, кто стал бы отрицать эти действия в нравственной области, подражал бы плохо осведомленным людям, которые отрицают неощутимые частицы в физике; и все же я вижу, что среди тех, кто говорит о свободе, есть такие, которые, не обращая внимания на эти неощутимые впечатления, способные склонить чашу весов, воображают полное безразличие в нравственных поступках, подобное безразличию буриданова осла, стоящего ровно посередине между двумя лугами» («Новые опыты», кн. II, гл. 1, § 15). Примечательно, однако, что Лейбниц не приписал предиката *сознательный* также тому роду ощущений и перцепций, которые как действительные переживания достигли той степени силы, какая нужна, чтобы, как он говорит, стать заметными, *без того чтобы это их сознание было обусловлено апперцепцией*. Что есть род сознания, который *непосредственно* принадлежит к содержанию ощущения или представления, не возникая лишь через апперцепцию, или рефлексию, или внимание, или вообще через какую-нибудь присоединяющуюся деятельность, ясно видно из того, что Лейбниц доказывает несостоятельность положения, будто «в душе нет ничего, чего бы она не замечала», говоря: «легко показать противное, то есть что невозможно, чтобы мы всегда явно размышляли обо всех наших мыслях; иначе ум размышлял бы о каждом размышлении до

бесконечности, никогда не будучи в состоянии перейти к новой мысли. Например, замечая какое-нибудь нынешнее чувство, я должен был бы всегда думать, что я о нем думаю, и еще думать, что я думаю о том, что о нем думаю, и так до бесконечности». Это та же мысль, которую Гербарт высказывает в «Собрании сочинений», т. 5, с. 18, 56 и 243, чтобы оправдать свое словоупотребление — представления находятся *в сознании*, *не будучи апперципированы* или замечены, — в отличие от их состояния, когда они задержаны. Далее, Лейбниц полагает душу *изначально* силой, тогда как психология Гербарта делает ее силовым существом лишь *благодаря тому*, что ее противоположные представления задерживают друг друга и вследствие этого соответствующее, до тех пор *действительное* представление превращается в *стремление представлять*, то есть в напряженную силу. По Гербарту, можно сказать, представление, мыслимое изначально и лишь по своему понятию, — *ни* сила, ни не-сила, но становится *живой силой*, поскольку избегает задержки, и *напряженной силой*, поскольку ей подвергается. — И физиолог Я. Э. Пуркинье, много занимавшийся явлениями сновидения и родственными состояниями, допускает во сне некий род сознания и продолжающуюся деятельность души. «Полная бессознательность, — говорит он, — без всякой надежды на пробуждение есть уже не сон, и всякое бодрствование предполагает возврат к низшим состояниям сознания. Да и сон обычно мыслят не как абсолютную бессознательность, а как степень помрачения. — Обычно полагают, что душа и в глубочайшем сне должна продолжать видеть сновидения, потому что иначе ее существованию грозила бы опасность. Это утверждение совпадает с тем, что душа по своей сущности есть деятельность и без нее не могла бы существовать. Но и здесь, как

и везде, мы должны признать состояния задержанной и связанной деятельности, где она хотя и существует по сущности, но не может выступить в явлении — будь то в пространстве или в сознании. Так и бывает в глубоком сне, а также в других бессознательных состояниях» (Р. Вагнер. «Справочный словарь физиологии», т. 3, отд. 2, с. 413 и далее).

2) «Физиология как опытная наука», т. 3, с. 474.

3) «Психофизика», ч. 2, с. 520.

4) Указ. соч., т. 3, с. 486.

5) Этому предмету уделил внимание и Фехнер. Среди опрошенных им лиц одни могли вызывать образы воспоминания готовых предметов с отчетливыми очертаниями и во всей полноте их красок, другие — нет. Очень интересен случай, который он сообщает из сочинения француза Бриера де Буамона. Тот рассказывает об известном живописце, который сумел за один год написать 300 больших и малых портретов и, когда его спросили, как он может совершать такое невероятное, описал свой способ: «Когда ко мне являлся человек позировать, я внимательно смотрел на него полчаса, время от времени набрасывая на холсте. Более долгого сеанса мне не требовалось. Я снимал холст и переходил к другому лицу. Когда я хотел продолжить первый портрет, *я брал этого человека в своем уме, сажал его на стул, где видел его так же отчетливо, как если бы он был там в действительности*, и могу даже добавить — с более определенными и более живыми формами и красками. Время от времени я смотрел на воображаемую фигуру и принимался писать; я прерывал работу, чтобы рассмотреть позу, совершенно так, как если бы оригинал был передо мной; *всякий раз, когда я бросал взгляд на стул, я видел этого человека*».

6) Некоторые люди видят сны не всегда в цвете, а лишь «по-ночному, словно серым по серому». Сходно обстоит дело с образами дремоты, которые бывают как цветными, так и бесцветными.

7) Несколько примеров сообщает Бурдах, указ. соч., с. 465. Г. Мейер в своей «Физиологии нервного волокна», с. 309, рассказывает, что во сне на него яростно лаял маленький светло-желтый мопс, которого он после пробуждения еще довольно долго видел перед глазами как отчетливый черный последовательный образ. То же было у него с образом из сновидения — слугой, державшим чайный поднос. Мне самому одна дама рассказала однажды следующее. Она видит во сне на печи, стоящей в ногах кровати, гроб; затем переводит взгляд с него на стоящую сбоку кровать матери и видит, как там из-под верхней подушки выбиваются большие массы цветов, особенно светло-голубых. Испуганная сновидением, она просыпается, но, сидя в постели, замечает, что и образ гроба продолжает существовать, и цветы все еще выбиваются, пока она энергичным словом, которым называет увиденное обманом, и одновременно проводя рукой по глазам, не прогоняет эти образы.

8) Альфред Мори, член Института. «Сон и сновидения». Третье издание. Париж, 1865, с. 122.

9) Очень интересно сообщение Пуркинье, что слышанные во сне слова он одновременно *видел и напечатанными*. Указ. соч., с. 439.

10) См. выше, главу III.

11) Случай такого рода, с самым широким пространством сновидения, пережил автор: ему приснилось, что он видит птицу, свободно парящую на значительной высоте, целится в нее из ружья и при втором выстреле, к своему удивлению, с величайшей

отчетливостью видит, как подстреленная птица медленно опускается в воздушном пространстве.

12) По крайней мере по собственному опыту могу высказать положение, что в то время, когда я живо занимался вопросом о сновидениях и мое внимание было напряженно обращено на сновидение следующей ночи, редко проходила ночь без сновидения. Но положение дел быстро изменилось, то есть воспоминание о сновидениях снова прекратилось, с тех пор как вопрос утратил для меня интерес, и то же самое могу утверждать о тех лицах, которых я привлек к наблюдению сновидений.

13) Указ. соч., с. 132.

14) К. А. Шернер. «Жизнь сновидения». Берлин, 1861.